

СОФИЯ ЭС

УСПЕТЬ ДО
ПОЛУДНЯ

16+

София Эс

Успеть до полудня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63989296

SelfPub; 2021

Аннотация

Катино Нуво – семнадцатилетняя девушка с загадочным прошлым и весьма неопределенным будущим. Десять лет назад на обочине лесной дороги полуживую девочку нашла семейная пара оборотней и забрала ее в общину тигров. Жизнь в стае могла стать для Катиро спасением, если бы она была едина с нею духом. Но девушка мало того, что полна страхов и комплексов из-за своего сомнительного детства, она отличается от окружающих и в настоящем. Другая. Чужая. Эмпат, телепат и, не приведи Великая Степь, просто человек?! Среди тигров, где ценят силу, хватку и умение укунить побольнее, Катиро ищет свое место, хорошо, что альфа стаи ее поддерживает и подкидывает то одно дело для расследования, то другое. Ее способности оказываются нужными, но не для всех безопасными. Ее странности раздражают многих. А когда вокруг сгущается тьма и предаются близкие, кто останется с девушкой заодно? И как себя поведет она, ведь под угрозой теперь не только ее жизнь – благополучие всей стаи?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава 2	36
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	81
Глава 6	98
Глава 7	111
Глава 8	134
Конец ознакомительного фрагмента.	149

София Эс

Успеть до полудня

Пролог

"Справишься ли ты с этим?" – термитная мысль, слепая в своей природе и беспощадно разрушительная по своей сути. Настоящий бич фундаментальной основы существования.

Тусклый неоновый свет мерцающими вспышками пробивался сквозь узкие решетки вентиляции, позволяя рассмотреть, куда меня занесло на этот раз.

Гадкое место. Вязкое. Тесное. Душное.

Прелый, сладковато-кислый запах разложений смешивался с тяжелым металлическим, заставляя дышать через раз. Высокие бетонные стены, исцарапанные чьими-то когтями без какой-либо творческой мысли, пестрели брызгами крови и разномастными рисунками лап и рук. И это давило, притесняло, размазывало. Судя по следам, здесь побывало не одно живое существо. Я насчитала двадцать три различных отпечатка. Где-то четких, где-то смазанных. Наблюдаемая картина и так вызывала головную боль, болезненно дергала желудок и перехватывала горло, останавливая позывы к рвоте,

а тут еще и количество пострадавших в этом убогом помещении заставило внутренности дрожать от жестокости, свидетелем которой оно стало.

То, что сия убогая камера видела много страданий, сомневаться не приходилось. Каждый камень в ее основании, каждая частица раствора, каждая капля пыли сходили с ума от боли истязания. Засохшие струйки крови художественной мазней стекали по стенам вниз, скапливаясь у их основания бесформенными пятнами. Матово-карминовыми. Отдавшими бетонному основанию всю свою влажную жизнь. К счастью, пятна были сухими: значит, что бы ни заставило попавших сюда биться в кровавой агонии, это произошло не сегодня.

Последняя мысль, может, и была малодушной, но позволила-таки ощутить освобождающее облегчение, запустила мои внутренние механизмы, и мне задышалось чуть легче. Сведенное судорогой горло расслабилось, горькая слюна потекла по иссушенному желобу вниз, смывая тошнотный вкус царящего здесь безумия. Вслед за горлом задвигались шея, плечи, потом я сделала шаг, другой и рваной, шатающейся походкой продолжила осматривать помещение. Хотелось сорваться с места, метаться, бросаться на стены в надежде пробить их, сразить собой, чтобы только выпустили, но эту пустую растрату энергии я волевым усилием заперла в теле.

Осторожно ступая вдоль стен, тщательно всматриваясь в оставленные на поверхности следы и даже, не смотря на от-

вращение, ощупывая их, я, наконец, почувствовала границы плотно прилегающей двери. На гладкой серой поверхности ничто не выдавало ее наличия. Если бы специально не искала, на глаз ни за что бы не определила место нахождения дверного полотна. Судя по всему, это был металлический каркас, залитый цементом. Подобная конструкция явно была тяжеловесной, и мало кому подвластной в перемещении. Либо она открывалась механически, либо петли были снаружи и тогда хозяин этого пространства обладал недюжей силой.

И гнилым нутром.

Какие мотивы преследовал тот, кто организовал подобную комнату страха? Было ли в нем что-то светлое, соперничающее или вся его сущность состояла в жажде причинения вреда другим и наслаждении их болью? Встретаться с художественным руководителем сей тягостной постановки было последним моим желанием. С каждым мгновением, проведенным в застенках этого пространства, я все сильнее мечтала изъяться, испариться, истаять без следов и возможностей к возвращению.

Дыхание становилось натужнее, рванее. Прогорклая слюна вязко стекала по горлу, заволакивая и без того стянутое пространство. В голове усиливался гул... Вы замечали, что тихий ужас бьёт по нервам яростнее самой громкой сигналки?

Шум за стеной заставил настороженно замереть. Возле

двери появились шорохи, скрежет, стон металла. Десятками мохноногих пауков они расплзались по моей камере, заполняя мерзким шелестом лапок бетонную глушь.

Кто же движется сюда? Что несёт для меня эта встреча?

Остались мгновения. Дыхание затаилось, тело будто наглоталось камней, и только сердце разгонялось все быстрее, врезаясь с диким отчаянием в грудную клетку с намерением пробить. Вырваться. Сбежать. Унести прочь.

Несколько щелчков, массивная плита пришла в движение, и моему взгляду предстала огромная фигура в длинном черном балахоне, подсвеченная ярким светом прожекторной лампы за спиной человека. Это был мужчина – я просто знала сей факт – и он улыбался мне, как старой долгожданной знакомой, ту, что зовешь каждый год на рождественские каникулы и вдруг вместо прежних отказов, наконец, видишь ее на пороге своего дома.

Правда, улыбаться в ответ гороподобному вторженцу не хотелось. Зубы сводило – да, и никак не в оскал радости. Рядом с этим хищником оживали древнейшие инстинкты выживания: бей или беги. Причем вариант "бей" сейчас даже не рассматривался. Главным желанием было сорваться с места и бежать так быстро, как никогда прежде. Расшвыривая предметы, пробивая стены, отключив все рецепторы. Оставив лишь один нерв, отчаянно-яростным кнутом подстегивающий тело, чтобы оно работало на износ. На спасение.

"Бежать, чтобы жить!" – вот единственное, что билось

внутри.

Взгляд затравленным зайцем зигзагами носился по фактически пустому помещению в тщетных попытках найти хоть какой-то вариант защититься.

В голове разворошенным пчелиным улеем гудела потребность спастись, и у тела стояла одна задача – забыть обо всем, кроме сохранения себя любой ценой.

Но двинуться не получалось.

От свинцового взгляда, моментально пригвоздившего меня к месту, хотелось укрыться за тысячами замками, но даже шевельнуться возможности не было. Она и не предусматривалась этим мужчиной. В его намерения это не входило. Он не оставлял ни шанса. Только безжалостный захват, удушье, подавление воли и холодное расчетливое управление послушной марионеткой.

– Ты моя, девочка, – жестяной голос незнакомца хлестнул по сознанию, заставив дрожать каждую клеточку моего тела. В его эмоциях было и предвкушение встречи, и гарантия того, что это событие доставит удовольствие только ему одному. Это его пир. Его праздник плоти. Его торжество разума.

– Нет... – зашептала я, отступая в угол. – Нет! – и ноги заскользили по горячему и липкому, и, не удержав равновесия, я упала в свежую лужу крови. Краем сознания удивившись ее появлению, с широко распахнутыми глазами наблюдала, как багряная густая жидкость поглощала кисти моих

рук. Одежда все сильнее напитывалась обжигающим составом, впиваясь кислотой в кожу. Чувства беспомощности перед случившимся, обреченности на страдания в этом гиблом месте от рук изощренного садиста и одновременное отвращение к эти мерзким состояниям едким дымом вставляли в горле, мешая сделать выдох, раздирая лёгкие от агонии затравленного зверя, которым билось где-то внутри меня сердце.

– Куда же ты бежишь, девочка? – посмеиваясь, незнакомец все приближался, медленно развязывая пояс балахона, растягивая ситуацию под свое удовольствие. Красноватые всполохи неоновой рекламы, просачивающейся сквозь решетки верхней вентиляции, придавали движениям мужчины рваный, ломаный ритм. – Папочка пришел за тобой...

– Не-е-ет... – почти выскулила я. – Не хочу... Я не хочу этого! Нет! Не надо!

– Иди сюда! – прорычал мужчина, хватая меня за ноги и подтягивая к себе, не смотря на то, что я активно сопротивлялась. Била на отмаш, куда только придется, вгрызалась скрюченными пальцами в бесчувственный пол, выдирала из себя все силы, лишь бы только вырваться из этого кошмара.

– Нет!

– Нет!

– Нет!..

Звонок телефона слился с моим криком, и я искореженной фигурой замерла, таращась в бежевый потолок. На даль-

нем столике у окна горел ночник, согревая окружающее пространство. С некоторых пор он стал единственным источником тепла и света для меня после таких вымораживающих погружений в сновидения.

Рядом с ночником заливался мелодией входящего звонка телефон.

Вытолкнув воздушную пробку из горла, я выдохнула раскаленный ужас, застрявший ошестинившимся ежом во мне, опустилась на мокрые холодные простыни и содрогнулась. Сон... Это был очередной выворачивающий сон...

Шальные глаза в поисках опоры принялись ощупывать спальню, фиксируя для себя привычные образы. Комод из белого можота, в его третьем шкафчике я часто прятала шоколадки – старая детская привычка делать запасы на случай невозможности поесть вовремя. Медные затертые до блеска массивные часы, постоянно спешащие на семь минут, – это я несколько лет назад неудачно сшибла их со стола в отцовском кабинете, а, может, и удачно, ведь теперь у меня есть фора в семь благословенных минут. Розовая матерчатая бабочка, сидящая на белых хлопковых шторах. Ее я сшила лет в десять маме в качестве подарка на день рождения.

Сознание нехотя, неверяще, возвращалось из жуткой мешанины образов и переживаний сна в безопасную определенность родной комнаты. Когда сновидения накрывали меня такими яркими, реально-отчетливыми сюжетами, как сегодня, выбраться из их липких переплетений было особо

сложной задачей.

Несколько минут я просто дышала. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вместе с дыханием ко мне возвращались и ощущения тела. Голени свело судорогой, напряглись в мышечном спазме даже несколько пальцев правой ноги. Пресс живота болел, как после интенсивной тренировки. Солнечное сплетение будто приложили раскаленным клеймом: изнутри горело так, что любые прикосновения обжигали и движения отдавались острыми токами. Грудная клетка ныла как после встречи с тяжеловозом, который безжалостно, на огромной скорости смял сам факт ее существования. Раздробленные кости ходили ходуном. Гудело сплющенное сердце. Израненные лёгкие с хриплым свистом толкали по капиллярам едкий газ.

Гребаный сон! Чтоб тебя вурдалаки задрали!

Телефон перестал надрываться и замолчал.

Неожиданная тишина вместо желанного покоя принесла лишь кисло-горькое предчувствие надвигающихся событий. Звонить мне в ночное время с радостными вестями не стали бы: я все больше коллекционировала обратные стороны наградных медалей. Голову сдавило ледяное щупальце ожидания, в ушах застучал морзянкой пульс, волна мурашек в очередной раз обжигаяще прошла вдоль позвоночника...

Да и катись оно все!

Рывком поднявшись с кровати, я отправила себя в душ. Горячий. Потом можно будет устроить быстрый контраст-

ный взрыв, чтобы с ещё большим удовольствием вернуться в проходящие сквозь все слои напряжения горячие струи воды. Холод я ненавидела. С детства. Не переносила его хронически. Но сколько бы не бегала, все равно попадала в его удушающие объятия. Чтоб и его вурдалаки задрали! Уж лучше адское пекло, чем стынь Ледовой Пустоши!

Тело все ещё билось в ознобе, и возвращаться в тяжелые воспоминания сна не хотелось, от слова совсем. Но это было необходимо сделать. Психотерапевт, занимавшийся со мной несколько лет подряд, говорил, что оставленное без внимания стрессовое переживание фиксируется в мышцах тела непрожитым напряжением, оседает вязкими тревожными образами в голове и мешает безусловному восприятию действительности. Чтобы отпустить тянущие в бездну отчуждения переживания, необходимо было вернуться в травмирующую ситуацию и досконально ее изучить. С позиций разных участников тех событий. "Логово волка пусть и расположено в укромном, хорошо замаскированном месте, все же имеет один вход, и он же – выход," – раз за разом повторял мой острозубый психотерапевт волчьей наружности, поправляя на сухощавом лице круглые очки в золотой оправе. Вот точно говорят, что зрение у волков развито значительно слабее нюха!

Привалившись к стене душевой, отделанной карминовой мозаичной плиткой, я тяжело дышала. Вода хлестала по молочной коже, помогая расслабиться сведенным мышцам.

Вниманием я искала внутреннюю тишину, но картинки из сна то и дело просачивались в сознание. Решительно выключив воду и наскоро вытеревшись огромным махровым полотенцем – одной из немногих действительно роскошных вещей, что я себе позволяла, – завернула себя в халат, надела теплые шерстяные носки и прошла в гостиную. Вскипятив воду и налив в пузатую керамическую кружку травяного чая, села за стол. Пустая белесая столешница мне и раньше помогала абстрагироваться, отсеивать все лишнее в сей момент и сосредотачиваться на прожитом.

Вспоминая жуткое помещение из сна и прислушиваясь к внутренним ощущениям, я пыталась понять, имеет ли увиденное место ко мне прямое отношение или же я – вновь лишь проводник чужих эмоций, запланированных действий или бесплотных фантазий. Что я делала в том помещении? Чью ментальную ниточку ухватило мое сознание и что теперь с этим видением делать? Это уже случилось или еще случится?

А может быть, это все же часть моего прошлого, затертого намеренно или в результате психологической или физической травмы?

По этому поводу мне приходилось лишь строить догадки, потому как никаких точных сведений о моем раннем детстве не было. Десять лет назад на обочине лесной дороги полуживую девочку нашла семейная пара оборотней. Ребенок был весь в резаных ранах как свежих, так и застарелых шрамах,

на вопросы не реагировал и сам не говорил ни слова. После больницы, где девочке поставили диагноз нервного и физического истощения, оборотни забрали ее в стайную общину. Здесь я в свои семнадцать по-прежнему и жила. Только моих приемных родителей уже не было в живых, год назад они ушли на грани к предкам в результате автокатастрофы. Поздний вечер, сильный дождь, размытая дорога. Как говорили в стае, отец не справился с управлением и вылетел с моста в реку. Никто не выжил, тела родителей нашли на следующий день, когда стихия уgomонилась. Особого разбирательства не было, да и к чему детальная проверка, когда и так все понятно: плохая видимость – скользкая трасса – усталость.

После прощальной церемонии меня вежливо и бескомпромиссно попросили освободить родительский дом. Претендентов на земли семьи Нуво всегда хватало. К тому же альфа стаи в тот момент был в отъезде и решение принималось советом бет, а со мной они никогда не дружили.

Так и получилось, что теперь за мной присматривала община, лишив родного дома, но позволив занять одно из помещений в общежитии. После возвращения глава стаи – альфа Игуро, конечно, предлагал исправить возникшее недопонимание, но отказалась уже я. Моя квартирка хоть и была скромной по площади, но вполне достаточной для моих потребностей.

Стук в дверь прервал мои размышления. Я вскинула глаза

на часы – двадцать минут третьего. Середина ночи... Ещё бы спать и спать, но я точно знала, что заснуть после такого видения мне не светит. Как и не светит ничего хорошего от несогласованного визита в такой час.

Чует моя пятая точка, отхвачу дискомфорта по самую светлую макушку. Поэтому не скрывая своего настроения, шаркая носками по полу, я поплелась открывать дверь.

– Отребье, сколько можно спать?! Тебя ожидают в главном доме, – выплюнул мне в лицо один из младших бет стаи, Суи Ламото. Его массивная фигура едва помещалась в дверной проем, размеры которого, надо сказать, специально были рассчитаны под габариты большинства мужчин нашей общины. Но этому громиле жали в росте даже два метра тридцать сантиметров. Великолепный пример молодого тигра, набирающего силу и значимость в стае.

Только мне до его лоснящейся персоны было как до Великой Степи ползком!

Ничуть не таясь, я скривилась, точно передо мной стоял не атлетического сложения симпатичный парень двадцати трёх лет с оливкового цвета кожей и золотисто-коричневыми глазами, как и у большинства членов нашей стаи, а мерзкий скользкий червяк, одно существование которого вызывает приступ рвоты. Мерзкий червяк Суи! Как-то в школе я делала доклад по разумным кольчатым червям. Так среди них нашлась тварюшка – шиаторский петиратум – паразит размером с экспресс на шесть вагонов и мозгом величиной

с клубок ниток. Все, на что его хватало, – жрать без разбора и гадить, где придется. Суи Ламото в моем представлении в эволюционном развитии не далеко ушел от шиаторского петиратума.

Увидев мою реакцию, перень отзеркалил ее полностью. да, наша неприязнь была взаимной. Вообще многие из общины поддерживали отношение Суи к моему присутствию в стае. Здесь я так и не стала своей. Чужая. Чуждая их понимание. Странная. Не такая, как другие. Отребье...

Я действительно отличалась от оборотней стаи. Не тот рост, не то сложение тела, не тот цвет кожи, не тот оттенок и разрез глаз. Голубые радужки под темными ресницами на фоне серебристо-белых, как снег, волос всегда были моей визитной карточкой. Тонкая, изящная, как хрустальная снежинка, я была пятном исключительности в стае. Исключительности и исключенности...

Даже нареченные родители, которые, казалось бы, старались позаботиться обо мне, дали мне имя Катиро – "без лица" на местном наречии. Без лица, без рода, а значит, и без оснований для уважения. Нет, оборотни стаи, конечно, проявили ко мне внимание, вот только совсем не то, что требовалось маленькому ребенку. Причем первый год среди тигров мне жилось ещё нормально, лишь эмоционально несдержанные дети доставали своими комментариями относительно родословной и внешнего вида.

Но когда через год все ребята моего возраста обернулись,

а я нет, большинство взрослых начали открыто выражать свое презрение и не упускали случая обозначить мою отдельность от их стаи. "Такая, как ты, Катиро Нуво, не может разделить с нашими детьми ни одной песни охоты," – подчеркивали они взглядом, словом, делом. А нет охоты – нет и доверия, такова уж природа полосатых хищников. Раньше о звере они и не спрашивали, теперь же само отсутствие во мне запаха животного вызывало у них омерзение.

Приемные родители по началу успокаивали меня, говорили, что зверь может пробудиться и позже, лишь Великая Степь знает, когда ее детям суждено перекидываться. Но постепенно под давлением отношения общины и они стали стыдиться моей неполноценности. Тема оборота в семье замалчивалась, объясняясь моими детскими травмами. Отец все больше мрачнел, мама, думая, что я не вижу, плача жаловалась мужу о том, что теперь на нее косятся соседи и обсуждают за чаем бывшие подруги. А я сидела на ступенях лестницы нашего дома, ведущей на второй этаж, и закрывала уши руками, лишь бы не слышать боли родного существа. И, как могла, я исправляла свою несостоятельность учебой, помощью семье и клану, но этого каждый раз было недостаточно. Вернее, все это было не то, чего желала моя семья и чего ожидала от меня стая. Накормить досыта водой жаждущего мяса невозможно, как невозможными были и мои пустые потуги оправдаться.

На этом воспоминании прошлого я фыркнула и поймала

презрительный взгляд Ламото. Бета буравил меня глазами, давил собственным возмущением, а я не спешила двигаться с места. В главном доме меня мог ждать только альфа стаи. Самир Игуро. Великий воин и довольно строгий управляющий общины. Лишь благодаря его покровительству я все еще жила в стае. Лишь благодаря его вниманию меня все еще терпели взрывные на эмоции тигры. И лишь благодаря его доброте ко мне я все еще верила в закон и справедливость. Да, меня задирали окружающие, но с тех пор, как погибли родители и шефство надо мной взял альфа Игуро, делали они это исключительно на словах.

Что могло случиться ночью такого, что понадобилось мое присутствие мастеру Самиру?

Понятно, что ничего хорошего. Моя пятая точка верно ощутила приближающиеся неприятности. Ну что же, не в первой. Раз мастеру надо, значит, двинули!

Молча удалившись в спальню, я переоделась в линейные синие джинсы, толстовку с Веселым Роджером размера на два больше положенного и черные кеды. Прошла на кухню, сунула бутылку воды в рюкзак, сварганила на скорую руку бутерброд и налила в термос ароматный кофе. Тщательно пережевывая свой нехитрый завтрак и продолжая игнорировать все более звереющий оскал Ламото, я закрыла дверь комнаты и двинула по пустому, оттого и гулкому, коридору общежития к главному дому общины. Мелькнула шальная мысль поддержать свое шествие задорным свистом, но разум

возопил не дергать полосатого кота за усы.

Глава 1

Я легко шагала по коридору главного дома общины к кабинету альфы Игуро, смотря строго перед собой и старательно игнорируя внимание находящихся здесь тигров. Не смотря на поздний час в здании было около десятка оборотней. От них веяло тревогой, скукой, возмущением, отвращением...

Оп-па!.. Похоже, источником последней эмоции была я...

Не могу сказать, что привыкла к подобному отношению. Привыкнуть – значит перестать обращать внимание на то, как мне каждый раз хочется съежиться, спрятаться от чужой колючести. Чтобы как можно меньше ощущать хлесткое внимание окружающих, багряными следами пощечин остающееся гореть на моих щеках.

К такому я не привыкла и, надеюсь, никогда не привыкну.

Но я приняла. Приняла то, что именно так меня воспринимают эти оборотни. Так и никак иначе. И биться с этим, конечно, можно было. Возмущаться, скалиться и плеваться ядом в ответ. Но легче лично мне от этого не становилось. Пару раз пробовала и не зашло. Сдачу давать научилась, а вот мстить и желчегонить оказалось энергозатратным.

В общем, грустно, досадно, но в нос зарядишь и отпадно... Живём дальше, ведь не общиной этой один мир.

Эту мысль мне тоже помог осознать мастер Игуро. Уди-

вительный оборотень! Не лишаящий права выбора, не давящий силой принуждения, не сковывающий догматами стайных законов, не смотря на то, что сильный вожак, а помогающий создавать свое, индивидуально комфортное место.

В этом и заключалась его мудрость: знания высшего как умение позаботиться наилучшим образом о каждом подопечном.

После определения и принятия своего положения мне стало легче жить в стае. Я перестала надрываться в угадываниях желаний оборотней, лишь бы выслужиться перед ними, лишь бы обрести хоть крупицы их тепла, уважения и бережности. Я позволила себе отпустить свои ожидания стать равноправным членом общины – сейчас я здесь просто живу, выполняя по мере сил поручения альфы и помогая его подопечным. Теперь я вникаю только в те дела, с важностью которых истинно согласна, а не потому что должна что-то кому-то. И не потому что пытаюсь выслужиться, купить чье-то расположение.

Нет. За последний год я позволила себе допустить, что со мной все в порядке. Как и с другими членами общины. Просто мы разные. И в этом нет ничего трагичного или неправильного. Это не нужно исправлять. С этим не нужно бороться.

Я перестала в этом нуждаться.

Есть во мне зверинная сущность, нет – дела не меняет. Я есть. И это главное.

Если уж мир допустил мое явление в себе, значит, это ему нужно. Так же, как необходимо присутствие и участие оборотней всех мастей и тонкостей поведения, ведьм, магов, людей и прочей животины, что в чести и в нечести у сожителей этого пространства.

Захотел бы мир и сам избавился от меня. А коли у него до этой мысли руки не дошли, то и другим их ко мне нечего протягивать.

Вот так и перестала я нуждаться в одобрении и принятии общины. "Быть хорошей и послушной для стаи" сменилось на "быть разной – нормально". Хорошей для себя и, да, возможно, плохой, неудобной для других. Уж лучше быть такой разнообразной и цельной, целостной в единстве понимания себя, чем очередным противоречием сшитым из лоскутов чуждых желаний.

Ушла борьба за внимание, и я стала более расслабленной. Постепенно смягчилась даже заскорузлая вина перед родителями за те неудобства, что им доставляло мое существование. И дышать стало легче. Легче и все же тяжело, потому что быть равнодушной к проявляющейся в мой адрес агрессии я отказывалась. Поэтому на долгое время не планировала оставаться в этой стае. Важно было определиться с дальнейшим направлением моих интересов и двигать к цели.

С последним как раз мне мог бы помочь альфа Игуро. По крайней мере, я очень на это рассчитывала.

За этими мыслями я дошла до кабинета мастера. Замерев

перед дверью, постучала, нервно почесала затылок, саднящий от приправленных злобой взглядов, и, дождавшись разрешения, вошла.

Эту комнату я знала очень хорошо. Сколько часов провела здесь за дружескими разговорами и уютным молчанием с мастером Игуро! Не могу сказать, что с ним я ощущала себя в абсолютной безопасности и могла позволить тревожному напряжению полностью отпустить меня – нет, этого я не позволяла себе ни с кем – и тем не менее оборотень был мне самым близким. Даже с родителями я не допускала и половины той откровенности, что закрепилась в качестве основы наших отношений с мастером. Отец с мамой мне, конечно же, во многом помогли и опекали в меру своих представлений о заботе, но чаще всего они меня именно воспитывали – вписывали в законы и правила, принятые у них в стае. Чтобы соответствовать им, мне пришлось во многом ломать себя, идя против своих желаний. Альфа же помог мне создать свои собственные правила, чтобы адаптироваться к жизни вообще, в стае ли или за ее пределами – неважно.

Мастера я увидела стоящим у открытого окна. Стокилограммовая фигура двухметрового гиганта была не самой крупной в стае, но определенного самой весомой. Его ментальная сила разливалась густым, вязким потоком, замедляя дыхание окружающих. Казалось, ещё немного и грудные клетки присутствующих начнут с треском лопаться от испытываемого извне давления. Ощущала ли я то же? Нет, я была

свободна от влияния альфа-силы. И не потому, что как-то ему сопротивлялась, нет, я такой приехала в стаю. Возможно, это изначальная особенность моей природы, может быть, следствие психологической травмированности в детстве. Но то, что я не соприкасалась с альфа-силой напрямую, не мешало мне чувствовать эмоции других оборотней. Я оказалась сильным эмпатом, и состояния окружающих были для меня более чем красноречивы.

Сейчас в комнате помимо меня за столом сидело ещё четверо мужчин. Все старшие бэты. И все четверо едва сдерживали оборот. По их жилистым шеям стекали крупные капли пота. В нескольких местах одежда и обувь были порваны, видно, несколько раз за время диалога с альфой звериная сущность все же брала верх над этими сильными мужчинами.

Да какого дохлого вурдалака здесь происходит?!

Срочное собрание сильнейших членов стаи глубокой ночью да ещё и с моим участием не могло предвещать ничего хорошего.

Миндалевидной формы желто-карие глаза мастера Самира с прищуром уставились на меня, придирчиво изучили и движением указали на свободное место за длинным овальным столом. Стало понятно, что следы беспокойного сна замечены, но в данный момент этот вопрос выноситься на обсуждение не будет.

Полностью поддерживаю Ваше решение, мастер!

Сам же альфа занял свое кресло во главе стола и, судя по реакциям окружающих, взял свою силу под контроль. Теперь двое бет излучали удивление, растерянность и что-то похожее на смущение, вину и стыд... Наличие этих эмоций в палитре их настроений удивили уже меня. Произошедшее, суть которого мне ещё только предстояло узнать, явно выбило их из привычного состояния уверенности в себе. И было похоже, что они в чем-то крупно облажались. Что ж, и такое бывает.

Так... А вот двое других бет испытывали сейчас злость, презрение и абсолютно знакомое мне отвращение. С этими определенности было больше: альфа решил привлечь к обсуждению данного вопроса меня, и моя персона для них являлась мало привлекательной, если не сказать, ничтожной.

– Катиро, – я послушно подняла взгляд от столешницы из темного дерева и внимательно посмотрела на альфу, – как ты уже, скорее всего, поняла, у нас происшествие. Весьма неожиданное и пока неясно, какие последствия несущее. – Тяжелый взгляд отпечатался на побледневших лицах бет. – Пропали карты пациентов из местной больницы, а также архив личных дел учащихся из здания школы. Последние три часа мы пытались выяснить, как и кто смог это сделать, но, к сожалению, на местах происшествий не осталось ни следов, ни запахов. Чужих. Все только свои. Хотя не прошло и суток с момента обнаружения пропажи, поэтому либо незнакомцами были использованы спецсредства, чтобы остаться для нас

невидимками, либо документы забрал кто-то из членов стаи.

На последних словах альфа очередным остроконечным взглядом полоснул притихших бет, и те вжались взмокшими телами в обивку кресел. Сидящий ближе всех к Игуро оборотень не сумел сдержать полуоборот, и прорезавшиеся тигриные лапы окончательно порвали его кожаные военные ботинки. Они лоскутами разлетелись в стороны, оставив уже босые ноги мужчины стоять на холодных плитах каменного пола.

Эк вас пробрало-то, мужики!..

Понаблюдав ещё несколько минут за эмоциональной поркой бет, я решила подать голос. Нет, я не выдерживала паузу, не издевалась над ними и даже не наслаждалась происходящим, я полностью доверяла в этом вопросе мастеру. Если он считал необходимым такое воздействие, значит, эти громилы его заслужили. Я лишь заметила хитрый прищур смеющихся глаз, который метнул в мою сторону альфа, и после этого заговорила:

– Чем я могу быть полезна расследованию, мастер?

– Мне важно, чтобы ты лично побывала на местах происшествий и попробовала увидеть, что же там произошло, – густой, как хвойные леса в горах Эйяраша, голос главы нашей общины теплом отозвался у меня внутри. – Будет здорово, если сможешь дать описание тех, кто в этом участвовал. Идеально – понять их мотивы. А в целом, нам нужны любые ниточки. Сейчас по факту осмотра помещений сила-

ми обратной нет ничего.

– Что сможет эта девчонка, чего не смогли мы? – не выдержал возмущения ситуацией старший бета Тэсаимо. Ой зря этот оборотень начал спорить, лучше бы и он лишился обуви, но промолчал.

Чайные глаза альфы Игуро полоснули золотом и предупреждающе сузились, подтверждая мои мысли. Голос же остался звучать ровно, глубоко, лишь более холодные оттенки проявились в нем, от чего он пробирал ещё сильнее:

– Неделя в общем карауле, Тэсаимо. Перевод в младшие беты, пока не научитесь сдерживать звериные порывы.

Тэсаимо дернулся, раскрыл рот в попытке ответить, но, хвала Великой Степи, сообразил принять волю альфы без комментирования.

После молчаливой паузы глава стаи продолжил все тем же тоном:

– Ещё желающие высказаться относительно моего решения есть?

Опущенные головы вниз и волна ментальной злобы, направленной целиком и полностью в мою сторону, стали ему ответом. Вслух не было произнесено ни слова, а я получила столько информации о себе, что разом расхотелось решать какие-либо вопросы вот этих вот... полосатых верзил. Но раз о помощи просит (просит!) мастер, я постараюсь сделать, что могу.

– Свободны! – отчеканил альфа и, как только мы остались

наедине, добавил:

– Тебя проводить?

Отрицательно мотнула головой:

– Прогуляюсь сама. Не маленькая.

– Маленькая, не маленькая, а пока эти желторотые хвостатые не желают видеть дальше своих утративших нюх носов, я беспокоюсь о твоей безопасности, девочка. Как твое самочувствие после вчерашней тренировки?

– Сносное, – ответила я, поморщившись. Вчера, налетавшись по залу, я с трудом добралась под горячие струи родного душа, где и отмокала с час. Мастер Игуро вот уже полгода обучал меня приемам самообороны и владению холодным оружием. "Отсутствие звериной формы – не повод оставаться безоружной, – говорил он. – Все, что у тебя есть и что ты найдешь в округе, может стать твоим спасением". Поэтому альфа гонял меня по лесам, помогал разобраться в следах, научиться ориентироваться в любой местности, приучал к прикосновениям во время контактного боя и особо тренировал во мне умение ловко и с минимумом энергозатрат уклоняться от ударов и различных хватов. И это у меня уже неплохо получалось. В отличие от искусства нападения. Поиск, исследование и защита мне давались гораздо легче, чем атака. Намеренное причинение вреда другому отзывалось внутри протестом, даже в рамках тренировки. Даже с учетом того, что мой противник был в разы крупнее, сильнее, опытнее. Но мастера Самира этот момент лишь сильнее

распалял, и он становился более сосредоточенным и бескомпромиссным на занятиях.

– Вечером жду тебя в зале, – напомнил альфа Игуро и вместе со мной покинул свой кабинет.

На часах было почти три ночи. Или уже утра. Это у кого какие планы на данное время суток. В любом случае следовало поторопиться, чтобы успеть хоть немного вздремнуть перед рабочим днем. Учеба уже закончилась, и на время лета я устроилась помогать Икешу Матори в ремонтной мастерской автомобилей. Не то, чтобы я была специалистом в данной области, скорее, любителем. Мы с приемным отцом частенько залазили во внутренности его старенького пикапа и с удовольствием перебирали их. Старший Матори был приятелем господина Нуво, поэтому, когда я попросилась к нему в помощники, не отказал. И даже платил мне весьма достойное содержание. Подозреваю, что вопрос денег мог быть решен с еще большей выгодой для меня, но здесь уже была непреклонна я: согласилась исключительно на ставку рядового сотрудника мастерской.

На улице, не смотря на ночь, было, довольно-таки, жарко. Начало лета радовало теплой погодой. Сезон дождей ещё не начался, и дышалось легко. Нагретая на солнце трава пряной патокой растекалась по округе, слегка кружа голову от обилия и концентрации ароматов.

Я решила сначала зайти в школу общины, она была ближе, и уже после посетить отделение больницы. Двигалась я

легко, все-таки, активные физические нагрузки хорошо влияли на мое тело и его выносливость. Мышцы становились все крепче и эластичнее, силы приливали, стоило только начать движение.

Сейчас мои шаги поглощал песок. Были слышны лишь стрекот кузнечиков да щебет полуночных птах. Пройдя с полкилометра, я увидела здание школы. Двухэтажное строение было до боли знакомо мне. Слава Великой Степи несколько лет назад я отсюда выпустилась! Сколько всего было пережито мною в стенах этого заведения! Сколько упреков и оскорблений я слышала в свой адрес!

Маме пришлось много возиться со мной, прежде, чем моя успеваемость стала соответствовать моему возрасту. В восемь лет я практически не говорила, с трудом читала и писала. Коммуникативные навыки отсутствовали напрочь. Долгое время я держалась абсолютно отстраненно от одноклассников по причине неприятия каких-либо прикосновений и контактов, потом уже не сближалась с ними из-за отсутствия необходимости общаться с кем-либо, кроме учителей. Все работы я сдавала заранее, тем самым успев не только догнать по программе тех ребят, с которыми начала учиться, но и обогнав их, закончив за семь лет программу не только школы, но и колледжа.

Архив с личными делами учащихся хранился в приемной секретаря директора школы. Туда я и направилась, пройдя мимо охранника на входе в здание. Поскольку господин Аги-

до меня не остановил, ему, видно, уже сообщили решение альфы стаи. Что ж, так лучше: чем меньше вопросов, тем легче мне будет работать.

Работать... Так происходящее расценивали я и альфа. Ну и еще несколько оборотней, не больше десятка. Остальные же, не смотря на результаты, называли мои действия выдумкой, обманом, шарлатанством, ведьмачеством, карой Великой Степи и даже проклятием. И если эмпатов оборотни ещё допускали в своих рядах, этими способностями среди них чаще всего обладали омеги, то телепатические видения, случающиеся со мной раз от раза, были для стаи дикими, опасными и потому неприемлемы. Хотя и тут исключения имели место быть. Сколько раз члены общины, по одному, конечно, втихоря, выспрашивали у меня рекомендации по той или иной сделке, азартной ставке или вложению средств. И, конечно, все они с удовольствием пользовались результатами успешных, умелых и точно выверенных собственных "расчетов" – так это преподносилось в стае. Но стоило только мне озвучить свое видение, вскрывающее порочные или нечестные действия кого-то из оборотней, как на меня обрушивался гнев всей общины. Политика двойных стандартов – это вот очень про оборотней, дуальная природа брала свое.

Слабой стороной моих видений была практически полная их бесконтрольность. Касаясь предмета, я не могла гарантировать результата. Я вообще не могла гарантировать даже наличия самого видения. Они просто приходили в том

или ином виде. Тогда, когда им было удобно. Закрыться от них, отложить, перенести восприятие в более удобное место и время я не могла. Попытки делала. Последний год все больше уделяла времени изучению своих возможностей, а до этого по большей части старалась избегать погружений в образы, мутной пеленой накатывающие на меня. Чем больше я сопротивлялась, тем острее и тяжелее были для меня последствия: головная боль вплоть до мигрени, тошнота, рвота, сведенные судорогами мышцы.

Против природы не попрешь. А если настаивать, то это верная дорога в смерть.

Подходя к нужному мне кабинету, я чутко прислушивалась к себе. По-честному, я не рассчитывала учуять что-то новое, всё-таки, тигры обладали сильным обонянием. Но анализ информации и умение делать собственные выводы, без опоры на мнение других, – это именно то, чему меня обучал альфа, и это именно то, чего он ждал от меня сейчас. Поэтому я наблюдала, прислушивалась и исследовала.

Попасть в помещение с архивом можно было через дверь из главного коридора школы, через одно из двух окон – первый этаж, забраться в здание легче легкого. Или через кабинет директора – обе комнаты обладали смежной дверью. Начала я с очевидного – двери в школьном коридоре. Осторожно коснувшись полотна одной рукой, мысленно соединилась с ним. Проникла сознанием в его волокна, пытаюсь считать, что за люди их трогали. Сначала картинки мелькали размы-

тыми пятнами, и я, скорее, интуитивно догадывалась о посетителях этого пространства, нежели видела их четкие образы. Множество разновозрастной ребятни, их родители. Я не могла описать их лиц или назвать имен, но эмоциональное тело каждого было характерным и узнаваемым. Директор, его секретарь, сотрудник хозчасти, четверо знакомых мне преподавателей – эти оборотни чаще других мелькали перед внутренним взором. Из свежих запечатлений были эмоции альфы и четырех старших бэт, встреченных мною в главном доме общины.

Никаких чужаков. Посторонние вторжения действительно не улавливались.

И все же документы исчезли, и прежде, чем искать кого-то из своих, хорошо было бы убедиться в том, что все версии о пришлых недоброжелателях опровергнуты. Значит, следовало смотреть и шире, и глубже.

Я прижала обе ладони к двери и снова погрузилась в ощущения. Директор, его секретарь, снова директор, два преподавателя, секретарь, сотрудник хозчасти, секретарь, преподаватель, ещё один, секретарь, опять сотрудник хозчасти и секретарь, почтальон...

Стоп!

Почему почтальон?

Ароматный шлейф писем, документов, сургуча, почтовой ленты, чернил для письма... Но это поверхностно. А внутри – настороженность, раздражение, высокомерная насмешка,

даже издевательство... Хм... Как интересно!.. Их было двое, один – здесь, другой – на улице, в автомобиле. Торопились. Тот, что стоял здесь, держал в руках конверт... Для секретаря. Он искал ее глазами и обрадовался, заметив, как она вышла из кабинета директора.

Я попробовала ментально занырнуть еще глубже и разглядеть лица неизвестных, но у моих способностей были на меня свои планы.

– Ты моя, девочка, – знакомый голос ударом под дых ворвался в меня, мигом наэлектризовав все нервные окончания. – Иди к папочке! – и я почувствовала, что мое горло сжимают тиски чужих рук. Тошнота накатила мгновенно. Голова закружилась, а я попыталась вырвать себя из болезненного видения.

Ощущение сдавленности на шее только усилилось.

Чужеродный голос раздирал сознание ненавистным: "Ты моя!", и я кинулась к мусорному ведру секретаря.

Рвало долго. Со вкусом. Вернее, с привкусом отчаяния, отвращения и бессилия.

Когда отпустило, пришла ярость. Шкура блохастая! Ржавый капкан тебе в дышло! Какого лишайного вурдалака эта грязь вылезла сейчас?!

Шипя от раздражения, я дообследовала остальные возможные входы и выходы кабинета секретаря, но ничего больше не нашла. Да в таком состоянии я и себя-то с трудом осознала. Поэтому злая как шиаторский червь, разбуженный

посреди зимней спячки, я вылетела из школы, направившись в больницу.

Глава 2

В кабинете альфы Игуро стояла абсолютная тишина. На ее фоне было отчетливо слышно, как ворчит мой ненакормленный вовремя тонкий кишечник. Часы показывали восьмой час утра, поэтому претензии внутреннего оглоеда были вполне обоснованными. На собрании присутствовали все те же, исключая бету Тэсаимо. Его место за столом занял старший бета Киуши.

– В результате обследования школьного и больничного архивов удалось узнать следующее, – вещала я ровным, прохладным голосом. Хвала Великой Степи, мне все же удалось взять свои эмоции под контроль и завершить доверенное мастером дело. – Двое неизвестных проникли на территорию общины на небольшом грузовом автомобиле. Один сидел в машине, второй под видом почтальона или кого-то похожего просто входил в здания. По коридорам учреждений шел свободно, среди стайных чувствовал себя уверенно. В школе он доставил письмо секретарю директора, в больнице вручил конверт сотруднице администрации. Фамилии ее не скажу, при необходимости дам описание или найду по эмоциональному шлейфу.

Получатели не знали почтальона. Для них он был просто лицом, доставляющим корреспонденцию. Письма, скорее всего, были настоящими, по крайней мере, "пахли" они

соответственно. Да и реакция получателей весьма однозначная, я не увидела повода для рассмотрения обмана: искренние чувства, ожидание, узнавание, облегчение и удовлетворение.

Незнакомцу лишь требовался повод для нахождения в нужном ему помещении. Он знал, что брать и где это хранится. Хорошо ориентировался внутри зданий, был осведомлен о распорядке занятости служащих. Он наблюдал за происходящим и, выждав подходящий момент, вынес документы. Бумаги забрал все, наверняка, чтобы сэкономить время. Вероятно, позже уже в спокойной обстановке похитители будут искать среди них нужную информацию, вычленять детали, планировать следующие шаги действий.

Мне показалось, что данные из школьных досье и больших карт как-то связаны или будут связаны друг с другом. Точнее не скажу.

Далее столь же сухим языком и беспристрастной интонацией я обозначила эмоциональные переживания неизвестных во время проникновения. На вопрос о наличии описания их внешности ответила отрицательно: увидеть мне этого так и не удалось.

Старший бета Такеши, во время моего рассказа активно копавшийся в телефоне, подняв глаза на альфу Игуро, произнес:

– Наши камеры зафиксировали автомобиль экспресс-почты ExPro, передвигавшийся по территории общины. Дей-

ствительно две остановки: школа и больница. Фургон двигался со средней скоростью, не привлекая внимания окружающих, без ускорений и торможений – никоим образом нельзя было заподозрить чужаков в привычных для общины сотрудников почтовой службы. Внешних контактов с членами стаи камеры не зафиксировали, а вот лица обоих мужчин засвечены, изображения четкие. Пробьем их имена по базам службы безопасности. Номер фургона также заснят. Не думаю, что возникнут сложности с опознаванием и последующим выявлением рабочей бригады. Съезжу лично в ExPro и опрошу сотрудников почты, кто-то что-то наверняка видел и слышал. Любителей совать нос в чужие дела всегда хватает.

Альфа кивнул и, повернувшись ко мне, сказал:

– Прекрасная работа, Катиро! А почему чужаки не оставили привычных для нас, оборотней, следов?

– Точно не скажу, – пожала плечами я. – В их эмоциональных полях были азарт, даже озабоченность и одержимость, и обжигающее холодом превосходство. Очень похожие состояния я наблюдала у лудоманов... – в этом месте я замолчала, подыскивая слова, чтобы точнее передать свою мысль. – Сознание сосредоточено на одной сверхцели. Выиграть. И это не просто желание. Неумная жажда предстоящего поединка постепенно поглощает все внимание, затирая значимость прочих процессов и жизненно важных ценностей. Вовлеченность в игру становится опасной для окружающих, порождая агрессивные и крайне деструктивные модели поведения.

Цель начинает оправдывать любые средства. Лю-бы-е. И, похоже, что цель наших непрошенных гостей очень тесно связана с той информацией, что они ищут. Момент, когда документы оказались в руках чужаков, был похож на то, что они нас переиграли. Хитро, ловко, непредсказуемо. Поэтому я предполагаю, что их костюмы, обувь, кожа были чем-то обработаны. Чем-то, к чему мы оказались не готовы, – на последних словах я подняла взгляд и прямо посмотрела на альфу Игуро. – И еще один важный момент. Уже покидая нашу территорию, оба пришельца излучали сладостное предвкушение и стальную готовность к реализации следующего этапа их плана. И именно этот коктейль Молотова произвел на меня сильнейшее впечатление. Игра чужаков продолжается, и следующий их ход будет совершен в ближайшие недели, не позднее наступления полной луны.

– А кто они, люди, оборотни, ведьмаки или иные, ты увидела? – ещё один вопрос от мастера, ответ на который я искала, но так и не нашла, поэтому просто отрицательно покачала головой.

– Что ж, – резюмировал альфа, – и того, что есть уже не мало. Дальше мы будем копать по своим источникам. Катиро, если что-то ещё вспомнишь, мои двери всегда для тебя открыты. Благодарю за помощь! А теперь, девочка, отправляйся спать. Старшего Матори я предупрежу, что ты выйдешь на смену к обеду. У тебя есть часов пять, Кати. Посвяти их здоровому сну.

Спорить с мастером я не стала. Не время. Не место. Да и не хотелось. А вот спать хотелось зверски. Да так, чтобы ни один шорох, ни один луч света, ни одно существо не посмело нарушить наш сладостный союз с уютной кроватью и мягким одеялом.

В событиях этой ночи измоталась я изрядно. Одно посещение больницы чего стоило: в эту обитель страданий и слез меня с детства было не затащить, хватит, достаточно времени провела я в бледных каменных застенках с бесдушно пишущей техникой и странными манипуляциями окружающего персонала. Я не хотела прикосновений, но меня касались; я хотела спрятаться от всех, но постоянно кто-то был рядом; я хотела глухого покоя бестелесной пустоты, но в меня по несколько раз на дню тыкали иголками, щупали, двигали, говорили, куда мне пойти, лечь или встать. И не было тогда спасения от чуждых мне взглядов, рук, слов, эмоций.

Не люблю я больницу. Не уютно мне в ней, небезопасно. И потому отдаю ей свои силы на откуп, лишь бы держалась от меня подальше.

Подальше – эта мысль сейчас сверлила мой мозг, дергала за ниточки внимание, и я, кивнув на прощание участникам собрания, всем разом и никому в частности, покинула главный дом общины, чтобы уже через тридцать минут провалиться в глубокий сон, страстно обнимая подушку.

Несколько дней спустя я сидела на ступенях лестницы в автомастерскую и пила клюквенный отвар. Мастер Игуро вчера провел зверскую тренировку. Зверскую даже по его меркам. Поэтому сегодня я восстанавливала себя через растяжения травами и поглощение настоек. С утра была традиционная легкая растяжка, правда, после вчерашнего она показалась пыточной. Но к обеду тело ожило, боль, если и не ушла полностью, точно перестала ощущаться как центральное ядро моего существования.

– Привет, Кэт! – по дороге на самокате промчалась девчушка лет пяти. Смешная. Вся голова в мелких рыжих хвостиках с цветными резинками.

– Привет, Кю! – мы с ней соседствовали. С ней и ее родителями, когда еще была жива моя приемная семья. Сейчас я практически не бывала в том районе, и, если мы виделись, то так, на ходу. Странно, что девчонка передвигалась по улицам одна, раньше за ней приглядывала няня, пока родители уезжали на работу или по своим делам. Иногда Кю развлекала и я. Мы строили шалаши из веток, замки из песка или автомобильные трассы из всего, что попадется под руку. Носились в погожие дни под каплями оросителя на участке моих родителей, а после шумно пили чай с малиной и мясными оладьями под пристальным взглядом мамы.

– Доброго дня, госпожа Нуво, – из-за угла выбежала няня Кю. Вспотевшая, запыхавшаяся, с сердито-обеспокоенным взглядом.

– И Вам доброго, госпожа Йатэ, – вежливо кивнула ей в ответ, хотя моего движения уже никто не видел. Высокая статная тигрица в годах ходко приспустила вслед за своей подопечной, широко размахивая наплечной сумкой.

Солнце припекало. Небо звенело голубыми просторами. Летние цветы и травы шли в рост, наполняя густой воздух пряными ароматами. Дышалось вкусно. Я ощущала себя гурманом, дегустатором вина, по капле пропускающим в свое нутро редчайший напиток. Я намеренно цедила его, расщепляя на мельчайшие составляющие, стремясь распознать каждый ингредиент и вместе с этим смиренно признавая, что даже зная полный состав и рецепт приготовления сего чуда, я не получу и сотой доли удовлетворения, как от возможности смаковать итоговый результат. Общее впечатление всегда больше, чем сумма составляющих его элементов, и упразднять эту магию детализацией – истинное кощунство.

Где-то вдали тренькнул звонок велосипеда, раздался шорох колес, звон цепей и беззаботный детский смех. Но я этого уже не слышала. Мое сознание провалилось в очередное видение. Что-то зачистили они в мой огород...

Жёлтый, лимонного цвета, велосипед. Зелёная атласная

лента повязана с правой стороны руля. Две спицы на переднем колесе погнуты – не самое удачное столкновение с соседским забором. Даже шелковисто-матовый лак белыми царапинами запечатлился на металле.

Заднее колесо украшено плетением из цветных ниток. Этому научила бабушка, она – любительница всего яркого и оригинального. Дед сначала запретил "обвешивать транспортное средство побрякушками", но после бабушкиного выступления за независимость и право на самовыражение смирился.

Детские ноги в оранжевых кроссовках крутят педали. Велосипед новый, педали поддаются туго. Эх, ещё немного подрасти, и тогда велосипед будет в самую пору. Вдали раздаётся бой часов, это на центральной площади, и ногам приходится поднажать ещё сильнее. Опоздывать никак нельзя...

– Ошметок причинного места ядовитого джао! Огрызок шиаторского слизня! Блевков дохлого вурдалака! Лапы бы твои да тебе же в подарок! Да на всю жизнь без права обмена! Тьфу!

Под громкую ругань старшего Матори я открыла глаза и увидела все то же голубое небо. Только теперь со вкусом горечи. Я не знаю, что именно случилось с тем ребенком из видения и доехал ли он до пункта назначения, где его ждали, но сейчас он точно был не в порядке. Внутри меня разворачи-

вала студёные кольца змея-тревога, и ощущение упущенного времени буквально выжигало кислород из пространства.

Дышать... Нужно дышать...

Выдох – отпускаю из сжатого в пружину тела лишенный жизни газ, освобождаюсь от внутреннего давления и тяжелой тугости.

Медленный вдох – позволяю оживотворяющему потоку воздуха напитать себя до сытости, наполнить каждую клеточку моего тела желанным вниманием и теплом.

Ещё один выдох как естественный шаг в расслабление, опустошение, тишину, и с новым вдохом я ощущаю расширяющуюся палитру ароматов и оттенков окружающей действительности.

С каждым дыхательным циклом разум проясняется и крепчает связь с телом.

Нежданно-негаданное видение, оглушившее в очередной раз меня, было фактом неприятным, но проигнорировать его я не могла себе позволить. Да, о подобных способностях я природу-матушку не просила и был бы шанс с радостью передала сие наследство в другие заботливые руки, но что-то желающих принять богатство пока не вырисовывалось. Вот и приходилось самостоятельно справляться. Благо, что все же не в одиночестве.

– Тормозная жидкость у тебя вместо мозгов, сын ты вурдалака! – голос старшего Матори продолжал сражаться с кем-то по телефону. – Запомни, киса в рубчик, башка живым су-

ществам дана не только для того, чтобы работать на холодильник и горшок! Понаплодилось идиотов на дорогах тачках, а мне какой шкурный интерес?! Сам свою колымагу недоразвитию облюбивай!

Телефонная трубка заскулила в ответ, потом зарычала и перешла на повизгивающие интонации.

– Что?! – взревел мастер, побагровев всем собой. – Когти в зубы и привет! – отбил он, и телефон полетел в ближайшую урну.

"Шестой на этой неделе," – мысленно вздохнула я, искренне сочувствую технике. Ну а что, она, техника, не виновата, что очередной клиент на полном ходу и без каких-либо тормозов нарвался своим гонором на тупик под именем "мастер Матори". На идиотов не раздражаются, им сочувствуют.

– Разбежались по тачкам, зяблики полосатые! Не то перышки и вам сейчас начищу! – раздалось из недр мастерской, и я поспешила убраться в смотровую, дабы закончить диагностику вверенного мне транспорта (ага-ага, читай, скрыться от глаз весьма острого на язык и когти повелителя гаечных ключей и покрышек, владыки мастерских боксов и просто отменного шефа).

Работа двигалась, но мысли мои все кружили вокруг последнего видения. Тонкие детские ноги-палочки в дурых оранжевых кроссовках теребили нервы. В груди разрасталось давящее чувство, на языке горчило. Ничего хорошего ждать от увиденного не приходилось. Опыт последних лет

мне это однозначно доказал. Лучше было поскорее завершать дела в мастерской и на всех порах мчать к альфе. Что я и сделала.

Свернув свою деятельность в боксе, я выпросила у старшего Матори отгул до конца дня, получила свою порцию ласки в виде ворчания о малолетних недоразумениях, что приходят к обеду и убираются до заката, и устремилась на поиски альфы Игуро. С подобными "картинками" я всегда шла к нему. С большинством из них мы разбирались, некоторые оставались без ответов. Надеюсь, что данный случай все же из первой категории, растить должников мне не нравилось. Они неизбежным обязательством давили надо мной, заставляя даже в ночное время думать о них и искать ответы на вопросы. Пускай какие-то ответы находились не сразу, но это не значило, что их не существовало вовсе. Это лишь означало, что вопросы задавались неверно. Или не в то время и не в том месте. И последнее упускать было никак нельзя.

Глава 3

Стоило только войти в здание главного дома общины, как на меня обрушился истерический женский рев. Посреди огромного мраморного холла, выполненного в сдержанных серо-синих цветах неоклассического стиля, молодая оборотница валялась на полу в ногах альфы Игуро (что само по себе было удивительно!) и умоляла-умоляла-умоляла (дважды удивительно!).

Она так и выкрикивала: "Умоляю! Умоляю! Умоляю!"

Знающим законы стаи сообразить, о чём идёт речь, было нетрудно. В коленопреклонной позе пребывала молодая жена бывшего старшего беты Тэсаимо, разжалованного с данного поста несколькими часами ранее и, как следствие, потерявшего всяческие привелегии руководящего в общине. Потерявшего привелегии, но не уважение... Сейчас же супруга оборотня активно лишала его второго, что было уже гораздо серьезнее и значимее как для мужчины, так и для двуликого сына Луны.

Достоинство мужчины не в мощи его рыка, не в красоте тела и крепости мышц и даже не в его статусах и регалиях. Достоинство мужчины в его семье и силе ценностей, что несет она. И принимать решения мужчины семье должно с уважением его права на них. Как и принимать его поражения ей должно с тем же признанием его права на них. Нельзя со-

обща лишь праздновать победы. Хорошо и в шторм обеими руками держать штурвал утратившего устойчивость судна.

Но, видимо, единства в семье беты Тэсаимо и не было, раз супруга сочла возможным просить за мужа, да еще и вымалывая решение у альфы. Двойное неуважение. К супругу. И к вожаку стаи.

Замерев поначалу при входе, я решила двинуться дальше и то ли сделала это несколько шумно, то ли супруга беты Тэсаимо среагировала на движение, в общем, я шевельнулась и привлекла к себе внимание страждущей. Едко-желтые глаза несчастной хищным рывком переместились с ног мастера на меня, впились ядовитыми жалами, заставляя кожу лица краснеть и пылать. Я только открыла рот, чтобы поздороваться с присутствующими, но так и осталась стоять, потому как тигрица в мгновение сменила жалобно-просительное выражение лица на гневный оскал, позволив клыкам и когтям прорваться сквозь нежную кожу десен и пальцев рук.

Обезображенная начавшейся трансформацией женщина, шипя и брызгая слюной, пыталась что-то сказать, но все, что я смогла разобрать, это "тварь" и "отребье". Да, фантазия у нее в данный момент отсутствовала напрочь. Никаким разнообразием мысли она меня не удивила, хотя в общем-то была женщиной с развитыми интересами, держала кондитерскую лавку с весьма оригинальными рецептами. Но агония чувств, видимо, действительно вызывает замыкание в наших мозгах, и ни о каком логичном и творческом мышлении в

эти моменты и речи уже не идет.

Не став досматривать представление, я, выдерживая бесчувственную морду лица, прошла через широкий холл к кабинету мастера. Постучала для порядка – да мало ли кто там решил укрыться помимо меня, заглянула внутрь, и, убедившись, что никого нет, зашла.

Подобное поведение мне было разрешено. Мастер Игуро мою персону видел, направление движение зафиксировал, поэтому найти при желании сможет быстро. А ждать окончания театрального представления да еще и не с лучшими актерами в главных ролях я предпочитала в комфортных условиях. Заботиться о своем благе было одним из заданий мастера для меня. Как по мне, так с задачей по бережному обращению с самой собой я справилась. Может, не на отлично (не стоило даже и останавливаться перед вышедшей из берегов сознательности женщиной), но на хорошо-то точно.

Минут через пять вернулся альфа. Проходя к своему креслу, бросил на меня изучающий взгляд, убедился, что ядовитые крики оборотницы не оставили глубокого отпечатка в моем настроении, и, усевшись, со вздохом проговорил:

– Вещай, Катиро. Вижу же, что пришла ты ко мне не ради праздности, а с покаянием. – В этом месте мастер усмехнулся (меня, признаться, тоже позабавила выбранная им манера вести диалог). – Чего натворить-то успела? – вот этот тон разговора уже куда привычнее.

– Я-то?! – решила сходу не сдавать своих позиций.

– Ты-то! – скалязь, ответил мужчина.

Вдохнула-выдохнула и рассказала:

– Девочка. Лет семь. На ногах оранжевые кроссовки. Ехала на желтом, ближе к лимонному цвету, велосипеде. Практически новом. Зелёная атласная лента с правой стороны руля. Две спицы на переднем колесе погнуты. Заднее колесо украшено плетением из цветных ниток. Торопилась, боялась опоздать. В дали я слышала бой часов с центральной площади. Нашей или не нашей – сомневаюсь, но, судя по местности, это может быть и одна из соседних общин.

Я не знаю, что точно произошло, но чувствую, девочка в опасности. Это либо уже случилось, либо вот-вот случится. Неизбежность ее конца уже предрешена, время на исходе.

Либо уже вышло.

...Последнюю фразу не планировала говорить. Она вырвалась сама, кислотой бессилия плеснув в тишину кабинета альфы.

Мастер Игуро молчал. И он, и я уже встречались с теми ситуациями, когда приходится принимать неизменный результат. Когда поправить ничего нельзя и остается только справляться с горем утраты. Справляться и разбирать нити произошедшего, распутывая судьбоносные клубки в поисках ответов на вопросы. Не чтобы исправить, доказать или оправдаться. А чтобы знать, на что еще можно опереться, куда еще можно посмотреть, как еще можно организовать поиск, когда он понадобится в следующий раз.

Закончив мысленно перепроверять корректность выданной альфе информации и все ли выявленные мной детали были последовательно отражены, я позволила себе поднять глаза на тигра. Он сидел хмурый и задумчивый. Его состояние было понятно: информации кот наплакал, проверить ее затруднительно, а действовать, судя по тому, как сжималось от плохого предчувствия нутро, необходимо быстро.

– Так, – сказал, наконец, мастер, но был перебит резким стуком в дверь, которая без ожидания разрешения распахнулась, и в комнату, посмеиваясь, ввалились двое. Один – высокий брюнет с темными, как безлунная ночь в Великой Степи, глазами, второй – золотоволосый юноша, в котором я с трудом, но узнала сына вожака стаи.

– Тадеуш! Эрам! – обрадовано воскликнул альфа и пошел обниматься с такими разными, но в чем-то очень похожими мужчинами. Одному было лет тридцать, сыну мастера Игуро – около двадцати трёх. И объединяло их выражение глаз альфы, которыми он на них восхищённо смотрел. В каждом из них оборотень видел свою гордость. Каждым он любовался всей душой.

Непривычная к подобному открытому проявлению чувств, как и к самим чувствам, я смутилась и постаралась слиться с окружающей обстановкой, лишь бы только не нарушить столь интимной атмосферы встречи. Мужчины обнимались, подшучивали друг над другом, постукивая по спидам и плечам, задавали одновременно десятки вопросов и,

смеясь, оставляли их без ответа.

Когда они все же оторвались друг от друга и разошлись по кабинету, я деликатно кашлянула, привлекая внимание мастера Игуро. Получила, правда, внимание трёх пар глаз сразу, от чего в очередной раз стушевалась:

– Ну, я пойду, наверное... Зайду к Вам позже, мастер.

– Кати... Хм... Катиро, – поправился альфа, – ты, возможно, помнишь моего сына Тадеуша, он вернулся с учебы на континенте, и моего друга Эсарама Мареша, его давно не было в наших краях.

– Здравствуйте, – только и выдала я в ответ.

А что ещё я могла сделать под пристальными, изучающими взглядами обоих мужчин?! Тадеуша я помнила, но никогда ранее особо близко мы не общались. Все же у молодого оборотня в самом расцвете сил и общинного отребья пубертатного периода слишком мало схожих увлечений. Господин же Мареша я толком и не рассматривала. С некоторых пор моей стратегией выживания в стае стало избегание лишних контактов: чем реже соприкосновения – тем меньше поводов для боли.

– Здравствуйте, – ответили мне разом оба мужчины и широко заулыбались.

Мартовские коты, вошь вам под хвост!

Окончательно растерявшись, я просительно уставилась на мастера. Спасать положение была его прерогатива, ему и карты в руки.

Наконец, сообразив, чего я от него хочу, альфа кивнул мне:

– Увидимся позже, Катиро. Зайди к патрульным, проверь имеющуюся информацию и попроси их разослать ориентировки в соседние общины. Будем отталкиваться от той информации, что есть.

Получив рекомендации к действию, я оставила мужчин наедине и направилась в располагавшееся в этом же здании отделение местного патруля. Передав службе безопасности распоряжение альфы и дождавшись ответов из соседних общин, я узнала следующее: заявлений о пропаже ребенка не было. Ни у нас, на это я надеялась мало, ни в других стаях. Узнать по общему описанию девочку также не смогли – а вот это было удивительно. Да, я не видела ее полностью, но уж велосипед-то распознавался легко! Уж больно приметный он был.

...И все же выходила из главного дома общины я на нулях. Куда двигаться дальше – идей нет, а пребывать в смиренном ожидании новой информации отказывалась уже вся моя суть.

Спустившись по зашарпанным ступеням, я споткнулась: хромированный гигант, гибким хищником, замерев у обочины, преграждал мне дорогу. Большой, сильный зверь. В нем удивительным образом сочеталась грозность характера с плавными линиями корпуса. Черная текстурная кожа вытянутого сиденья приятно контрастировала на фоне отливаю-

щего серебром металла. Агрессивное настроение зверя подчеркивали яркие обтекатели по бокам. Аура статусности и властности окружала механического хищника. Сейчас сердце стального гиганта безмолвствовало, но в воздухе так и витали отзвуки его сытого порывивания и возбуждённая готовность сорваться с места в любой миг.

Из созерцательного ступора меня вывел весомый толчок в плечо проходящего мимо незнакомца. Мужчина в черной кожаной куртке стремительно обернулся, удержав меня от позорного падения вниз, и пронзил насквозь антрацитовыми глазами. Ночь в его взгляде была живой. Она дышала, клубилась, мерцала. И с любопытством лаборанта-исследователя всматривалась в меня. Ощупывала лицо, касалась глаз, приоткрытых губ, ямочек на щеках. А мне до одури хотелось либо сбежать от нее на другой край континента, либо растаять в ней навсегда, отдав всю себя без остатка.

Частью себя я отловила, какие редкие глупости посещают мою голову, и тут же почувствовала, как интерес в теле господина Мареша, а передо мной стоял именно Эсарам Мареш, сменился напряженностью. Его пальцы уже не удерживали меня, а, скорее, стискивали все с большим отчаянием.

Отчаянием?!

Это же Эсарам Мареш, и явно он – владелец того самого мотоцикла, на который я столь опрометчиво пялилась минутами ранее. И уж быстрее я начну испытывать отчаяние, чем господин Мареш.

Похоже, я в очередной раз все перепутала и зацепила чужие эмоции, не относящиеся к делу напрямую.

И вообще мне нет никакого дела до стоящего так близко ко мне мужчины! Я прикосновения в принципе не люблю. Тем более такие надежные... Тьфу ты! Неосторожные! Конечно, неосторожные! Его близость, в целом, все больше напрягает меня...

И я, похоже, господина Мареша напрягаю: от его пальцев на моих плечах точно синяки останутся, да и ночь в глазах сверкает все ярче. Яростнее?..

Воспитанная семьей и общиной в атмосфере жесткой иерархии, стыда за собственное существование и причинение неудобства окружающим, я безумно смутилась и, поклонившись, не поднимая головы, протараторила:

– Искренне прошу прощения, господин Мареш. Я не желала помешать Вашему движению. Причиной моего ступора и пристального внимания стал Ваш удивительный мотоцикл. Бесконечно приятно на него смотреть и представлять звучание двигателя. Я повторно искренне приношу извинения за мою неуклюжесть.

Вот же, дохлый вурдалак! Весь этот год альфа настойчиво помогал создавать мне внутренние опоры, чтобы никакого раболепия и подчинения не звучало в моем самодостаточном организме, но стоило мне встретить более опасного зверя, как я снова теряю себя.

Теперь уже во мне поднялась волна раздражения и злости.

На саму себя в первую очередь. И, едва сдерживая ее, я собиралась, не поднимая головы, уйти, но...

Но господин Мареш повел себя самым неожиданным образом:

– Беляшик, спину ровно, взгляд прямо в глаза собеседнику, и никакой виноватости и покорности. Ты имеешь право открыто интересоваться всем, что тебя окружает.

Да что за?!.

Да как он?!.

Беляшик?..

Беляшик?!.

И вот тут меня накрыло!

Я. Его. Вспомнила!

В мой первый год жизни в общине на рождественские каникулы приемные родители уезжали из поселка. Кажется, это был подарок отца маме, и альфа Игуро тогда настоял на том, чтобы все запланированное было точно исполнено, а сам на неделю пригласил меня пожить в своем доме. Не сказать, чтобы это было для меня комфортно, я едва ли говорила, пугалась резких звуков, держала дистанцию с окружающими, но сын альфы часами пропадал с друзьями на улице, и я, в целом, была предоставлена сама себе. Тогда уже я вполне освоилась с чтением и с интересом погружалась в мир информации. Именно поэтому большую часть времени проводила в домашнем кабинете альфы в окружении огромной библиотеки.

Не помню уже точно, какую книгу я искала, но нашла ее на верхней полке одного из шкафов. Лестницы под рукой не было, поэтому я сделала свою: стул, сверху него ещё один стул, на него подставка для ног. И на всю эту импровизацию полезла хоть и маленькая, худенькая, но все же весомая я.

Закон притяжения сработал тогда, когда книга была уже в моих руках. Балансируя на все больше шатающейся пирамиде из стульев, я отвлеклась на открывшуюся дверь кабинета, и, зажмурив глаза, полетела вниз.

Прямо в руки Эраму.

Там и познакомились. Он сказал: "Беляшик, надо осторожнее выбирать лестницы", а я ответила: "А тебе – осторожнее подставлять руки". После чего молодой статный мужчина смеялся, долго и красочно. Сколько ему тогда было? Около двадцати одного? Наверное. Я отчетливо вспомнила, как из его темных глаз лился теплый свет, согревая испуганно дрожащую меня. Он гладил мои белые волосы и нежно шептал что-то успокаивающее, а ещё говорил, что никем, кроме беляшика, я и быть не могу. А когда подрасту стану, так и быть, его белоснежной королевой.

Удивительно, с ним моя параноидальная осторожность и угрюмая молчаливость отошли в сторону.

Тогда Эрам остался в доме альфы на все праздничные дни, и практически каждый момент времени проводил со мной, рассказывая истории загадочных странствий, помогая мне со школьными опытами по химии и контрольными по

математике. Обычно замкнутая нелюдимая я с большим удовольствием проводила время с этим мужчиной, общаясь с ним без какой-либо субординации. Дистанции просто не существовало между нами. Я попала в его руки, а он – в мои. Кому из нас повезло больше – это вопрос. Четыре дня были одним большим захватывающим приключением, а потом Эрам уехал и больше не появлялся в моей жизни.

И вот теперь он уже не Эрам, а Эсарам Мареш, а я – снова Беляшик...

Беляшик!

Бесит!

Мигом вспыхнувшее раздражение смыло все социальные и морально-этические преграды и нашло выход в словах, которые я отчеканила, глядя прямо в глаза Эрама (да-да, никакого Эсарама, господин Мареш!):

– Беляшик?! Я тебе не отбивная и не кусок мяса, Уголек!

От наступившей тишины вокруг нас сдавило уши. Мы сверлили друг друга острыми взглядами, его полуночным, моим голубым, как Льдистые Пустоши. Легкий ветерок трепал наши волосы, спутывая белые и черные пряди. Его губы дрогнули в улыбке первыми, и, уже не сдерживаясь, мы громко рассмеялись вместе.

– Беляшик, а ты не разучилась удивлять! – проговорил Эрам, подмигивая мне.

– Что, до белоснежной королевы ещё не доросла? – язвительно спросила я, сохраняя радостный оскал на губах.

– Не доросла, Беляшик, не доросла, – потрепал по волосам меня этот... гад в черном. – И при первой встрече меня не узнала...

– А Вы, господин Мареш, – парировала я, – ещё бы лет десять не появлялись, я бы и вовсе забыла о Вашем существовании.

– Это уж вряд ли, – угрожающе произнес мужчина, тяжело припечатывая меня взглядом.

Упс... Кажется некоторые легко выходят из себя и не на все шутки реагируют адекватно. Как бы не перегнуть палку в общении с этим хищником. Впредь буду осторожнее.

– Кхм... Ты к нам отдохнуть или по делам? – решила я идти в обход его подурневшего настроения.

– Совмещаю приятное с полезным, – усмехнувшись, ответил Эрам. Лучше бы улыбался. Улыбка у него открытая, чистая, светлая, купаться в ней сплошное удовольствие. А усмешка – холодная и острая, как лезвие. Не самоубиться бы об нее.

– Ты занята? – его голос вывел меня из задумчивости.

Эрам шагнул к мотоциклу и с серьезным сосредоточенным лицом оседлал зверя.

– А? – а что я еще могла ему ответить? Лишь вытянулась вперед, будто прислушиваясь к нему, отказываясь думать о том, почему сам Эрам Мареш, этот удивительный мужчина, мой сказочный призрак из прошлого, задает мне подобный вопрос.

– Прокатись со мной, Беляшук, – антрацитовая ночь искушающе смотрела на меня из глубины его глаз. Звёзды в ней мерцали, зазывно подмигивали, искрились озорством и удовольствием, будто сытый кот наевшийся жирных сливок.

– Кккуда? – Ну не могла я поверить в услышанное. Мы не виделись несколько лет, и между нами сейчас должно быть расстояние из прожитого времени. Разделяющее нас, определяющее каждого по своим местам. Совершенно несоместным. Обрекающее на вечное сравнение – "где ты, а где я?!"

Но черная стихия во взгляде Эрама была явно против моих глупых мыслей. Она перестала пугать и теперь, скорее, завораживала меня, доверительно протягивая руку, соблазняя на приключение. Оттого и непривычно мне было чувствовать себя такой – заинтригованной, очарованно наблюдающей за опасным, но, как будто бы, родным, давно прирученным хищником.

Удивительно, что я не ощущала удушающий поток эмоций Эрама, как это бывало с другими оборотнями стаи. Его чувства были свежими, будто сумеречная гроза, разразившаяся в ранние предутренние часы. Пахло колким озоном и пряным ароматом луговых цветов, что подставляют под сильные удары дождевых капель свои листья и бутоны. Моя внутренняя сущность словно вынырнула из глубокой спячки, подобралась близко-близко к поверхности кожи и дышала захлеб запахом этого мужчины. Таким памятным, таким

знакомым!

И кто бы мне до этой встречи сказал о подобном, отмахнулась бы, как от сумасшедшего, а настоящая встреча с тем-ноглазым мужчиной расставила все по местам.

Наверное, поэтому, когда Эрам протянул мне черный шлем, я взяла его. Когда он, накинув на мои плечи свою черную куртку, застегнул ее, я молча села позади него. И когда взревел двигатель четырехцилиндрового монстра, я крепко обняла его, еще глубже впуская в себя.

Глава 4

Оглушенная собственными чувствами и рычанием мотора все сильнее распалющегося механического зверя я рассматривала пролетающие мимо нас аккуратные домики, фруктовые сады, овощные плантации. Местность менялась так быстро, что вместе с мелькающими образами из моей головы все дальше уносились прочь и какие-либо связные мысли.

Закончились территории общины, пошли холмы с короткой порослью трав и лиственные леса. Мы проскочили одну реку, мост через вторую, поворот на розовое озеро. Его горько-соленая вода в течение дня могла менять свой цвет от нежного розового до ярко малинового и даже кирпично-красного. И никакой магии в этом не было, хотя ведьминской природе подобные чудеса и могли покориться. Причина же переменчивости настроения островного озера была в его обитателях и их реакции на местное солнце. Мельчайшие одноклеточные зеленые водоросли были одними из немногих организмов, которые смогли адаптироваться к суровым условиям проживания в горячем засоленном водоеме. А благодаря высокой концентрации бета-каротина организмы оказались хорошо защищенными от интенсивного светового излучения, и чем жарче становилось вокруг, тем ярче зажигалась багряными оттенками вода озера.

То, что одних убивало, другие научились использовать в качестве источника энергии и жизни в целом. Та же история была и со мной. Отвержение окружающих в какой-то момент стало не ядом, а топливом для разгона моих желаний. И этот процесс грозил превратиться в сверхскоростной болид. Заряженный, стремительный, нацеленный. Я еще не чувствовала, что мой движок горит от перегрева, но внутренний двигатель был уже порядочно разогрет для мощного рывка вперед.

За очередным поворотом трассы показался виадук, позволяющий уйти на дорогу в одно из четырех ближайших соседних поселений оборотней. Мы пропустили и его.

Сидеть было высоко. И как-то уж слишком тесно пришлось придвинуться к Эраму. Вжаться в его спину, сцепив руки на мужской талии, ощущать сокращение его мышц при дыхании, во время управления мотоциклом на особо крутых поворотах. Чувствовать перекаты нервных волокон, пьянеть от жара соседского тела и уже шалыми от избытка ощущений глазами ловить на лету лишь размытые тени, проносащихся мимо объектов застройки, лесополосы, дорожных указателей.

По началу было стыдно находиться так близко к мужчине, крепко обнимая его ноги внутренней поверхностью бедер, впиваясь грудной клеткой в его рельефную спину, и в какой-то момент я даже попробовала отстраниться, увеличив между нами расстояние, но... Но Эрам – это Эрам. Рык-

нув почище своего мотоцикла, он одной рукой вернул меня на место, припечатав сверху шлепком по ягодице и фразой: "Сиди на месте, Беляшик, а то покусаю!"

Я и сидела.

Дурела от ароматов, свиста ветра, свободного падения, когда мотоцикл нырял с очередной горы вниз.

Наш полет остановился только возле придорожного кафе. Огромное здание разместило у себя под крышей гостиницу, кофейню, общественные душевые и туалеты для тех, кто хотел освежиться по дороге, но не планировал арендовать номер.

Сползая (по-другому и не скажешь) с мотоцикла с помощью бережно поддерживающего меня Эрама, я желала ему провалиться сквозь землю сразу в бескрайние просторы Великой Степи. Лишь бы он не скалился так понимающе. Хорошо ещё хоть оставил без комментариев мои неловкие движения и стоны, несколько раз вырывавшиеся сквозь стиснутые зубы.

Мотоцикл – зверь любопытный, но очень уж анатомически непривычный для новичка.

Мое пунцовое от стыда лицо пряталось за темным стеклом шлема и снимать его я пока не планировала. Так в нем и прошагала к дальнему столику кофейни. Сбросила куртку, буркнула Эраму, что буду шоколадный молочный коктейль с зефиром и цветной кокосовой стружкой, и смоталась в туалет. Только там я сняла защиту с пылающей огнем головы,

умылась (раз пять), пригладила, как сумела, растрёпанные ветром волосы, посмотрела в свои довольные, не смотря ни на что, сияющие глаза и вернулась в зал.

За нашим столиком Эрам сидел не один. Длинноногая шатенка с серыми глазами и внушительными формами, впечатляюще сложив верхнюю часть себя на стол, что-то рассказывала господину Марешу. Тот внимательно слушал, пристально смотрел на нее, надеюсь, прямо в глаза, а не на выставленные на обозрение передние "девяносто", хотя у этой они были все сто, а то и поболее.

Услышав чье-то рычание, я с ошеломлением осознала, что оно мое.

Мое?

Мое!

И это при том, что во мне до сих пор оборотни не чуяли зверя, да и он никак не проявлял себя. А здесь целое рычание! Моя ты прелесть!

Окрыленная этим открытием я радостной птахой впорхнула к нам за стол. Хотела расположиться поодаль от беседующей парочки, но Эрам схватил меня за руку и безапелляционно усадил рядом с собой, через стол от шатенки... Забыв отпустить мое запястье... Продолжив наглаживать его шершавой подушечкой своего большого пальца...

Эммм...

Мыслей было много, но роясь и путаясь, ни на какой не получалось сосредоточиться, поэтому я растерянно молчала

и пила молочный коктейль.

Через некоторое время, когда пульс от прикосновений Эрама перестал оглушающе бухать в виски, я прислушалась к разговору за столом. Перед нами сидела волчица, теперь я это четко видела, и рассказывала о пропавших два месяца назад в их стае документах. Личные дела членов общины были изъяты из школьных архивов и картотеки приемного отделения больницы.

В этом месте я выпрямилась, оторвалась от шоколадного коктейля, забрала у Эрама свою руку, чтобы не отвлекаться, и сосредоточилась на эмоциях волчицы. А господин Мареш обжёг меня антрацитовыми глазами с веселящимися звездами в их глубине, но спорить, хвала Великой Степи, не стал. Хороший мальчик! Кушайте свой кофе, господин Мареш, и позвольте мне делать мою работу.

В чувствах волчицы преобладали на данный момент любопытство, вожделение, азарт. Они для меня были понятными, но бесполезными для расследования, поэтому я пошла дальше. Под верхним слоем текущего эмоционального состояния жила тревога, она усиливалась, когда Эрам задавал уточняющие вопросы о пропавших документах. Это то, что надо. И мысленно потянув за эту ниточку, я словно шагнула в приоткрытую дверь, переместившись в сознание женщины.

Хорошо бы узнать, как именно обнаружили пропажи. Картинки-картинки-картинки, я пролистывала их без разбора, потому как искала интуитивно, а моя интуиция пока

молчала. Так... Вот... Нашла. Волчица была из службы безопасности. Она не первая работала с пропавшими документами, но она присутствовала во время поиска следов вскрытия обоих помещений и опроса возможных свидетелей. А это то, что может помочь!

Погрузившись ещё глубже в сознание женщины, я искала тот момент, когда она соприкасалась с дверями и окнами, ведущими в кабинеты с архивами. Сначала мне не удавалось нащупать чувственный отклик от этих предметов. А он должен был быть, ведь их касались множество раз. Но одно дело – чувствовать эмоциональный и ментальный след, когда держишь вещь в своих руках, и другое дело – пытаться прожить это через посредника. Но долой жалобы и стоны, они сейчас лишние, если я не чувствую остаточных эманаций, значит, надо погружаться ещё глубже.

Отпустив свое сознание, позволив ему раствориться в чужих ощущениях, я выхватила знакомую эмоцию превосходства и презрительного отношения (есть! Это тот же самый "почтальон"!) и тут же перенеслась в личный кошмар:

– Ну что же ты, девочка, иди к папочке!

Я замерла, как мышь перед коброй, перестав даже дышать. Нет... нет... меня здесь нет.

– Ты моя, девочка, – и меня схватили за плечи, начали хлестать по щекам, так, что в горло полилась приторная, с противозным и таким знакомым металлическим привкусом кровь.

Отвратительный коктейль...

Удар. Ещё удар. И я открываю глаза...

Черная ночь растревоженным зверем вцепилась в мое сознание, вытаскивая за шкуру из остатков видения. Звезды хлестали яростным светом. Я пялилась в глаза Эрама, продолжая глотать хлещущую из носа кровь. С очередным сглаживанием пришла тошнота, и я пулей устремилась в туалет.

Пулей – это я погорячилась, конечно...

С трудом донеся себя до унитаза, позволила, наконец, телу отпустить все лишнее, раздражающее, отравляющее.

Меня выворачивало. До дна. А в паузах между рвотными позывами я приговаривала:

– Вурдалака тебе в жены! Имитарских клещей – в дышло! Чтоб шиаторский червь прогрыз тебе брюхо и через уши вылез! Шкура трусливая! Бертугай линялый! Чтоб тебя лишай пожрал и тобой же его неделю тошнило!

Спасибо Вам, мастер Матори, за великий могучий ругательный!

Когда меня отпустило, я, мокрая и дрожащая, сползла по стенке унитаза на пол. Горячие руки Эрама осторожно перевернули, вытерли мне лицо, укутали мое тело в знакомую кожаную куртку, и, бережно подняв, вынесли на свежий воздух.

На этом мое сознание окончательно устало, и я отключилась.

Очнулась по-прежнему в руках Эрама. Мы сидели на улице, возле той же кофейни. Сгущались сумерки, последние лучи солнца золотисто-розовым светом заливали горизонт. В тишине уходящего дня приглушённо звучали голоса посетителей кофейни, где-то недалеко работал двигатель тяжёловоза, у кого-то ещё дальше шелестело помехами местное радио. Обыденный поздний вечер, отпускающий заботы на покой.

– Ты здорово напугала меня, Бельчонок, – хриплым голосом нарушил уютное молчание Эрам.

– Уже не Беляшик? – ещё более хрипло отозвалась я. Горло саднило, голова гудела, и в добавок ко всему меня начало потрясывать.

– В данном случае я готов пойти тебе навстречу и забыть об этом прозвище... Сегодня ты практически куском мяса болталась в моих руках, и я ничего не мог сделать, чтобы помочь. Сам не понимаю, как вернул тебя с той бездны, – мужчина поправил меня в своих руках, ещё плотнее завернув в куртку, да чего уж там, практически спеленав ей. – Поэтому нет, ты больше не Беляшик, Бельчонок. После сегодняшнего я вообще подумываю о вегетарианстве, – и в этом месте Эрам ухмыльнулся.

Спасибо тебе, Великая Степь! Если он не разучился шу-

тить, значит, не все так плохо. Все ещё образуется. Обязательно образуется!

– Знаешь, бельчонок – это тоже ценный мех и нежное мясо. Далековато как-то от вегетарианства, – подхватила я его мысль.

Давай же, хватайся за этот конец веревки, и будем вместе вытаскивать теперь уже тебя. Невозможно смотреть на ту усталую настороженность, что сейчас живет в твоих глазах. Ты же боишься ко мне лишний раз притронуться. А я живая, не хрустальная. И благодаря тебе – спасибо, что вытащил, – надеюсь, еще пожить.

– Ценный мех, говоришь... – вот сейчас его оскал стал прежним – острым, скользким, и теперь уже я задрожала не от слабости, а от страха, самой настоящей паники. – Слышал он требует тщательной выделки. А я привык со всем вниманием следить за тем, что попало мне в руки, – тут Эрам ТАК посмотрел на меня, – и кто попал...

– Вот это я попала, – прошептала, едва дыша, продолжая добровольно тонуть в антрацитовый ночи его глаз.

– Дыши, Бельчонок, дыши основательно, я только начал входить во вкус.

И он улыбнулся.

Так знакомо, что его улыбку подхватила и я.

Напряжение отпускало постепенно. Над дорогой уже горели фонари, когда мы засобирались в обратный путь. Выпили напоследок крепкого кофе. Эрам, правда, пытался влить

в меня черный чай, но я сопротивлялась. Активно. И, наверное, больше из жалости, он-таки пошел мне навстречу.

...На мотоцикл грузились с чувствами. От меня были раздражение, возмущение и стыд, Эрам же излучал предвкушение, веселье и довольство. Этот несносный мужчина посадил меня перед собой, лицом к нему, заставив прижаться и обнять свою талию ногами. Компрометирующее, весьма далекое от приличий положение... Если бы я не была столь вымотана, пошла бы пешком. Но в данном случае ситуацией руководил Эрам. По итогу я провела всю дорогу, уткнувшись ему в грудь. По большей части дремала: слабость после эмпатической и телепатической связей была невероятная, плюс еще кровопотеря, потеря сознания и значительно отбитое лицо. Скрутило-то меня знатно!..

В какой-то момент я вспомнила, что забыла распросить Эрама о том, что удалось ему узнать у волчицы. Сделаю это завтра. А также важно будет поделиться новой информацией с альфой Игуро. Вот на этой мысли я отпустила себя в сон.

Проснулась в своей кровати. В спортивном белье, что надевала вчера. Интересненько... Это что ж за кот помойный так осмелел, что берегов личных границ не видит?!

И тут я вспомнила вчерашний день, вечер и, скорее всего, даже ночь (выехали-то мы в обратный путь уже потемну) и

задумалась о том, а кот ли Эрам. То, что он не тигр, было понятно: внешность не та. Но может, его зверь все же кто-то из кошачьих? Или псовых? Вроде, не волк, у тех я не встречала черных вьющихся волос в сочетании с черными же глазами. Можно, конечно, дойти до библиотеки и там порыться. Раньше меня подобный вопрос не волновал, а сейчас стало нестерпимо важно, как можно скорее узнать звериную сущность господина Мареша.

"Можно и напрямую спросить," – ехидно прозвучало внутри.

Можно, и это сэкономило бы нам кучу времени. Ведь ещё есть девочка на желтом велосипеде, о которой я пока ничего нового не узнала. И вот этот вопрос, по моим ощущениям, необходимо разрешать в первую очередь. Пропажа документов с личными делами оборотней – дело серьезное, но в данный момент не смертельное. А с девочкой беда...

На этом я подскочила с кровати и, захватив чистую одежду, направилась в душ. Когда выходила из него, в гостиной уже слышались мужские голоса. Альфа Игуро и Эрам. За окном только-только светало. Любопытно, что привело их ко мне в столь ранний час... Чувствовала я себя в целом сносно, только есть хотелось зверски. Надеюсь, меня сейчас покормят. А если нет, проем им от голода по плеше, будут знать, как молодой организм в строгости и запретах держать.

Не таясь, открыла дверь и увидела мужчин, склонившихся над картой. Она была расстелена на столе, том самом столе,

на котором я сильно рассчитывала позавтракать.

– Доброе утро, – выдала я и потопала к холодильнику. Запасов в него давненько не делала, поэтому о содержимом белого друга мне приходилось лишь смутно догадываться.

– Как спалось, Катиро? – ухмыляясь, выдал альфа, а я подумала, что не давала ему поводов вот так скалиться. Эту его недоулыбку я знала отлично. С нее начинались самые адовые тренировки. Где жеж я так успела провиниться, о Великая Степь?!

– Нормально спалось, – осторожно заметила я и спряталась за дверь холодильника.

Полки-полки-полки. Ничего, кроме полок...

– Бельчонок, ты решила подышать свежим морозным воздухом? – раздалось насмешливое за моей спиной.

– Все бы тебе знать, блохастый, – пробубнила задумчиво я. Потом сообразила, кому и что сказала, и развернувшись, со всей наглостью (читайте, храбростью), что имелась во мне, спросила у Эрама:

– А ты блохастый?

– Эммм... Нет, – ответил он, приподняв обе брови вверх. Надо сказать, красивые брови: темно-шоколадные, густые, волосок к волоску. Они необыкновенно шли его антрацитовый ночи глаз и темным шелковистым волосам.

– А какой? – дааа, фантазия у меня ранним утром явно спала. Как спало и тело, потому что оно не отодвинулось, когда Эрам положил руки мне на талию, проник под майку и

начал поглаживать мой живот. Мурашки проснулись, это да, и поползли в разные стороны от его прикосновений, а тело осталось сонно стоять в объятиях этого странного обаятельного мужчины.

– Что какой? – не, ну ноты сарказма в его голосе, конечно, по существу: какой вопрос – такой и ответ.

– Какой у тебя зверь? – раскачав свою наглость по полной, я понеслась к своей цели уже без тормозов.

– А это, Бельчонок, я тебе обязательно расскажу, а ещё лучше, покажу, но несколько позже, – щёлкнул меня по носу Эрам. – Завтракать хочешь?

– Ещё как! – откликнулась я, со вздохом надевая узду на собственное любопытство. Не сказал сам про своего зверя – посмотрю в библиотеке. Там информация в свободном доступе и никакие блохастый, как и неблохастые, этому не помеха.

– Садись за стол, малышка, накормлю, – обрадовал этот... всё-таки, прекрасный и заботливый мужчина. – Не знал, чего тебе захочется, поэтому взял всего понемногу.

Усевшись за стол, я наблюдала за тем, как альфа Игуро задумчиво сворачивает карту острова. На ней красным фломастером были отмечены несколько поселений, включая и наше. Потом мастер достал хлопковые салфетки, тарелки, приборы, стаканы и сервировал стол. Эрам же принес несколько больших пакетов с едой на вынос из кофейни напротив нашего общежития.

– Моя любимая, – поймав его взгляд, прокомментировала я.

– Судя по пакетам рядом с мусорным баком, я так и понял, – хмыкнул этот большой и язвительный тролль. Вот как он в себе сочетает такие качества, за которые одновременно его хочется и благодарить, и кусать?! Да, я предпочитаю еду на вынос и редко, когда готовлю. Живу одна, зарабатываю сама – могу делать, что хочу.

Больше я не сказала ни слова, позволив организму есть, есть и ещё раз есть. Да, подызмоталась я в последние дни, подыстратилась.

Альфа Игуро пил кофе, хитро посматривая на меня время от времени, но я делала вид, что не замечаю его взглядов.

Эрам ел быстро, сосредоточенно и очень красиво. Каждое его движение было филигранно точным, физиологически выверенным. Ни миллиметра лишнего действия, ни капли энергии впустую.

Когда все перешли к кофе, мастер посмотрел на меня и распорядился:

– Говори, Катиро!

И я постаралась изложить всю имеющуюся у меня информацию кратко и по существу. Про то, что в похищении у волков личных дел оборотней замешан тот же самый "почтальон", что и у нас. Про то, что служба безопасности нашей общины ничего не нашла о девочке с желтым велосипедом (для Эрама мне пришлось быстро пересказать вводные дан-

ные). Про то, что запросы в другие соседние общины ничего не дали. И про то, что моя интуиция буквально вопит об ускользающем времени на спасение жизни девочки.

Следом взял слово Эрам и сообщил, что помимо этих двух стай волков и тигров аналогичным образом пострадали ещё три общины с континента и стая медведей с севера острова. Кто бы ни затеял эту возню с документами, задумал он явно что-то глобальное. И нелегальное.

Это напрягало.

Альфа Игуро дополнил общую картину происходящего тем, что по фотографиям ни одного, ни второго незнакомца опознать не удалось. Даже после запроса на континент. Номер почтового фургона также не дал никаких результатов – в базе подобное сочетание букв и цифр не значится. Что касается доставленной корреспонденции адресатам общины, то она была настоящей и, видимо, похищенной из настоящего почтового отделения. В какой момент это было сделано и кем, выяснить не удалось, но я, вспоминая свои ощущения во время видений, готова со стопроцентной уверенностью заявить, что письма забрал тот же незнакомец, что доставлял их оборотням нашей стаи.

Моя дальнейшая работа по данному происшествию более не требовалась, поэтому я была освобождена от всех последующих собраний на эту тему. А вот вопрос с девочкой и ее жёлтым велосипедом оставался открытым.

– Надо шерстить базы безвести пропавших, – твердила я

в который раз.

Альфа Игуро уже с жалостью смотрел на меня и повторял в который раз одно и то же:

– Кати, все имеющиеся на данный момент заявления мы проверили. И у себя, и у соседей по острову. Никого похожего там нет.

– Ну не может же пропасть ребенок так, чтобы о нем некому было даже заявить?! – эта дурацкая мысль никак не желала укладываться в моей голове. – Надо искать дальше.

– Кого искать, Катиро? Нет никакой конкретной информации! Нет заявления, нет данных девочки, нет тела! – раздражался Игуро, и я его понимала. О, как я его понимала!

– Значит, буду искать тело! – да я упрямая. Настойчивая и целеустремлённая. – Надеюсь, что успею застать его живым, – добавила я зло. Ненавижу бессилие и беспомощность. И тупой процесс ожидания тоже ненавижу.

Эрам смотрел то на меня, то на Игуро, и пока молчал.

Ну и ладно! Не больно-то надо было! Справлюсь и своими силами, невпервой.

Хлопнув по столу, я поднялась:

– Спасибо за завтрак, господа, но мне пора на работу. Смена, знаете ли, – читайте в моих глазах: я зла, поэтому выметайтесь из моей квартиры.

И не дожидаясь их реакции, я вышла в спальню. Взяла в шкафу рабочую одежду, переделалась в ванной, и, подхватив рюкзак, вернулась в гостиную.

В комнате царил порядок. Стол был убран. Посуда, сверкая чистыми стенками, стояла на полках навесного шкафа. Мастера Игуро я в комнате не обнаружила, зато за кухонной стойкой находился Эрам, и, вытирая руки вафельным полотенцем, буравил меня темными, как самые потаенные уголки моей души, глазами.

– Бельчонок, а ты ничего не забыла? – о, спасибо, что напомнил блохастый неблохастый!

– Забыла! – проговорила я и, решительно подойдя вплотную, ткнула пальцем ему в грудь. – Какого дохлого вурдалака ты позволил себе меня вчера раздеть?

Да, со стороны мы, должно быть, смотрелись весьма забавно. Маленькая я, ростом ему с подмышку, стучу указательным пальцем по его рельефным плитам груди. Обхохочешься... Но было не до смеха.

– Я позволил себе в той ситуации все, что посчитал необходимым, – сдержанно ответил Эрам, но вокруг него разлилось обжигающее, но ещё пока сдерживаемое возмущение.

– Я против подобных вольностей, – нехорошим тоном, все с той же решительностью заявила я.

– Это был мой способ позаботиться о твоём комфорте.

– Я против, – в очередной раз упрямо затянула я.

– А я против того, чтобы ты шагала по граням предков ради расследований, – воздух вокруг Эрама уплотнился, дышать стала значительно тяжелее, он уже обжигал легкие, как в раскопегаренной парной бани.

– Куда хочу, туда и шагаю!

– Если ты сама не можешь позаботиться о себе, то тебя нужно подтолкнуть в правильном направлении.

– Знаешь, единственное, что я хочу сейчас подтолкнуть, – это чашку в твоём направлении, – грозно рыкнула я, сжимая плотнее любимую кружку. Посидела, посверлила его колючим взглядом и, четко выделяя каждое слово, произнесла, – Я. Делаю. Свою. Работу.

– Твоя текущая работа – уже выцеживал сквозь сжатые зубы Эрам, – это ремонтная мастерская старшего Матори! А все остальное – личная инициатива маленькой девочки, считающей себя должной общине оборотней и ее альфа-предводителю!

– Ты ничего обо мне не знаешь! – выплонула практически по слогам ему в лицо.

Стояли мы близко, я – высоко задрав белоснежную голову, он – опустив свою с извивающимися, будто змеи, черными волосами.

– Того, что я видел, мне достаточно! Ты безрассудно суешь свою белобрысую макушку в каждую возможную петлю. Ты – не омега, но считаешь и управляешь эмоциями стаи. Ты не обучалась телепатии, у тебя даже нет наставника, но ты уходишь на такие глубины подсознания, что вытаскивать тебя оттуда приходится через кровавые пощечины. Ты – мелкая, запуганная девчонка, принявшая ради выживания стайные законы тигров за основу своей жизни, хотя к этой

стае ты даже не принадлежишь!

– А кому я принадлежу? – уже кричала я, не замечая, как по лицу скользят горькие слезы.

– Как минимум себе, Бельчонок, – устало выдохнул Эрам, обняв двумя руками мою голову. – На нас работает то, чему мы даем силу. Я не могу вместо тебя заботиться о твоём здоровье. – И он большими пальцами начал вытирать горячие потоки боли, струящиеся по моему лицу. – Я не могу всегда быть рядом, чтобы спасти каждый раз, когда ты решишь сунуть свой нос в чужие дела и, прогулявшись по граням, оступишься. Я бы мог все это делать для тебя, Бельчонок, но не хочу, потому что иначе ты возненавидишь меня за то, что ограничиваю, удерживаю, контролирую и лишая выбора.

На нас работает то, куда мы вкладываем свое внимание. Ты свое отдаешь стае, а стая работает на себя. Что же тогда остается тебе?!

Я опустила голову вниз и с глубоким вдохом-выдохом кивнула, подтверждая истинность его слов. Истинность, с которой мне ещё предстоит разобраться. Ведь, как оказалось, думать о самооценности и быть самооценной – это разные вещи.

Глава 5

Я крутила в руках тормозные колодки, которые тридцать минут назад сменила владельцу внедорожника. Сейчас от меня все дальше удалялись огни задних фар автомобиля, а я радовалась, что до конца смены осталось всего ничего. Хвала Великой Степи!

Утренний разговор с Эрамом оставил меня в разобранном состоянии. С чем-то я была согласна, против некоторых моментов бунтовала, и, как считала, вполне обосновано. Ну не могла я игнорировать видения, вроде, девочки с желтым велосипедом! Эта ситуация продолжала оставаться без моего должного внимания и изрядно напрягала. Время шло, а я не продвигалась вперед.

Могла ли я остаться в стороне от похищения документов? Вопрос...

Я могла бы быть осторожнее в погружениях – это да. Четче отслеживать свое состояние во время считываний. Качественнее создавать якорь – то, что удерживает мое сознание в реальности, то, к чему я поднимусь из любых глубин бессознательного. И тогда не произошло бы той истории со считыванием волчицы... Наверное... Ведь вся штука в том, что – и здесь Эрам прав – меня никто ничему подобному не обучал. Все, что сейчас я делала, было открыто мной экспериментально. Те слова, что я использовала для описания про-

живаемых мной процессов, – это все лишь мое видение, то, как я интуитивно ощущаю соприкосновение и проникновение в чужие сознания. Это те ассоциации, которые раз за разом подбирал мой мозг, чтобы помочь организму узнать его возможности и безопасно перевести их в навыки.

Если бы я изначально оставила свои способности без внимания, чужие эмоции давно бы поглотили меня. Они и видения утопили бы меня еще в первый год жизни в общине.

Я не знаю, родилась ли с этими возможностями или они проявились во мне как защитный механизм от того ужаса, в котором я жила в детстве... Это все не так уж важно. Важен результат: я считываю эмоции окружающих, хочу этого или нет; я проваливаюсь в видения разного уровня погруженности, в не зависимости от моего желания.

И именно благодаря тому, что перестала бегать от себя и позволила, наконец, осознанно заходить в эти процессы, я начала обретать контроль над происходящим. Раньше со мной эмпатия и телепатия случались, теперь же я все чаще сама, намеренно, использовала их, чтобы получить необходимую информацию.

Стало ли мне легче жить? И да, и нет. Да – я не сошла с ума и адаптировалась в достаточной степени для нормального существования. Нет – мои способности не оставляют мне возможностей для бездействия. И дело не только в видениях.

Эрам покинул мою квартиру сразу же после разговора. Он сказал, что ему необходимо уехать из поселения, что-

бы продолжить расследование похищения архивных документов оборотней. Я в очередной раз кивнула, отступила на несколько шагов назад и пожелала ему счастливой дороги.

Глупо...

Хотела ли я, чтобы он остался?

Возможно... Да...

С другой стороны, жила же я как-то еще вчера без него?

Как-то жила...

Устав от собственных терзаний и неопределенности, я умотала на работу, но и там большую часть дня истязала себя вопросами без ответов.

– Катиро! – в комнату для отдыха персонала заглянул старший Матори. – Чего киснешь весь день?

– Все хорошо, мастер, – обернулась к нему, стараясь убрать из глаз и тела напряжение. – Точнее, не очень, но я разберусь.

Выразительный взгляд оборотня многое рассказал мне из того, что он думает о моем "разберусь".

– Что случилось, девочка? Тебя кто-то обидел? – еще не тревога, но уже рядом. Не люблю, когда из-за меня переживают.

– Ничего глобального, мастер Матори, – благодарная улыбка, ласковый взгляд, – взрослою, видимо, задумываюсь о разном, – и морщины на лице мужчины начали разглаживаться.

– Меньше пока думай о высоком, Катиро. Лучше иди по-

ешь, оно в твоём возрасте полезнее и безболезненнее. Выглядишь, да простит меня Великая Степь, как вурдалак во второй стадии отощания.

Привычные шутливо-поучительные интонации хозяина мастерской позволили улыбнуться, и сковывающая внутренности тревога несколько отступила.

Больше разговаривай с окружающими о себе, Катиро! Хватит держать все внутри!

– Скидываю двух оставшихся по записи клиентов на тебя и главного механика, – оборотень хлопнул меня по плечу, – а я – красиво домой.

– Красиво жить не запретишь, – одобрительно кивнула я и, хитро щуря глаза, добавила, – сегодня второй понедельник месяца, верно, мастер?

И уже направившийся от меня вальяжной походкой тигр застыл скособоченной фигурой в дверном проеме.

– И традиционный вечер танцев? – да, ехидства в моем голосе прибавилось.

Скособоченная фигура скрючилась.

– Знаешь, Катиро, твоя память в данном случае – опасное оружие, – сцедил старший Матори.

– Ага-ага, – поддержала мастера, как могла, особо, правда, не усердствуя. – Я бы даже сказала, зубодробительное.

Тигр отмер, выпрямился, обернулся, полоснув лезвием-взглядом, и теперь стоял уже ровно, но с самым несчастным выражением лица натирая шею:

– Не, ну что за молодежь пошла?!

– "Не любви, не тоски, не жалости", – процитировала я, снова согласно кивая головой и не скрывая душащую меня улыбу.

– Никакого сострадания к немощным, никакого уважения к старшим и никакой заботы о работодателе! – медленно и верно закипал мастер.

– Не, почтенный господин, – на попятный идти я никак не хотела, – кто ж Вам теперь виноват, раз Вы собственной когтистой лапой подписали себе приговор, согласившись обучать молодняк общины танцам.

– Да это ж все госпожа Матори!.. – привычно начал оправдываться оборотень, – Ты ж знаешь, что я ей отказать никак не мог, еще и после ее фирменного сатуроби! У меня с этого напитка жены начисто крыша съезжает, и я остаюсь согласным на все.

– Помню-помню, мастер... – сказала я, проскальзывая мимо ссутулившегося тигра. Открыла дверь в коридор, чтобы переместиться в рабочий бокс: дела-то ведь ждать не любят, и легкомысленно добавила, – видимо, поэтому Вы пили сатуроби госпожи Матори и следующий, и следующий разы, согласившись вести танцы не только для молодняка стаи, но и для женщин всей общины, а также для младшей детской группы... – выразительная пауза с моей стороны, и тихий стон от мужчины. – И сегодня у Вас первое занятие как раз с последними.

Вогнала я последнюю "иглолку" и захлопнула дверь под грозный звериный рык. Может, и не стоило дергать тигра за усы, но иногда это весьма приятно.

Господина Матори было искренне жаль. И все же никто его за язык не тянул и бахвалиться своими юношескими танцевальными успехами не заставлял. Тем более, он прекрасно знал о вакантном месте преподавателя танцев, которое вот уже год как пустовало после побега на континент прошлого заслуженного деятеля искусств. Ну не выдержали животные нервы преподавателя активности молодых тигров стаи, да и ребята перегнули с шуточками. Энергии много, гормоны, Третья Луна на подходе, вот и вышло то, что вышло.

Коварство госпожи Матори тоже объяснительно – на нее же насели все женщины общины, да и репутация торговых предприятий семьи для нее на первых местах. Нет, семья, конечно, в приоритете, ну так о семейном бизнесе она и думала, ведь чайные и мастерская теперь станут еще востребованнее, и можно будет продолжить развивать сеть заведений уже на континенте. Когда мужчина красиво движется и умеет правильно обращаться с женщиной, перед ним открываются любые двери, даже самые тайные.

Распрошу-ка я после мастера Матори, как прошло его первое занятие, и посмотрю на его истинные эмоции. Сдается мне, не все так уныло будет, как он предполагает.

В первом боксе мастерской я нашла нашего главного механика – уважаемого Съяэло Шуэтаго. Официальных имен

он не любил и предпочитал, чтобы его звали просто – Грозный Эл. Это был тигр в годах, с крупной сеточкой морщин возле глаз и постоянно испачканным мазутом лицом. Густая масляная жидкость темными штрихами лишь подчеркивала достоинства возраста мужчины.

– Катиро! – Грозный Эл махнул рукой, подзывая меня.

Подошла и задрала голову вверх. Милейший оборотень со всей его грозностью представлял собой около двух с половиной метров требовательного характера.

– Загляни во второй бокс. Там для тебя подарок.

Скептически хмыкнула и пошла смотреть. Не то, чтобы я не любила подарки или их не получала, вокруг меня все же были близкие мне, которые берегли и радовали. Просто в данный момент не было очевидного повода. Поэтому я ожидала скорее подвоха, нежели реального дара. И ошиблась.

Во втором боксе стоял спорткар... Компактный двухдверный автомобиль известной марки радовал глаз жемчужно-белым глянцем дверей, пурпуром крыши и хромированной сталью металла. Накладки на бампере, зеркальные диски, двойное спойлер-крыло на багажнике. Я бы и его окрасила в пурпур! А еще на крылья стоящего передо мной красавца нанесла бы аэрографию, что-то отражающее характер этого механического зверя... Может быть, стремительное ярко-красное пламя с фиолетовыми всполохами, разрывающее в клочья пространство, прорубающее в нем сверхскоростную гоночную трассу, искрящуюся под угольно-черными, натер-

тыми до блеска колесами.

Красота!.. Если под капотом то, что я думаю, эта машина – мечта. Заглянула и расплылась в сумасшедшей улыбке: подарок вышел, что надо.

Спустя тридцать минут тщательного осмотра автомобиля, довольная и разомлевшая вернулась под начальство Грозного Эла. Ну да, я не отказала себе в удовольствии уделить спорткару все свое внимание, обласкать его восторженными эпитетами, облапать все поверхности, посидеть за рулём, испытывая экстаз от анатомических сидений.

– Ну? – видя мой восторг, спросил мужчина.

– Конфетка! – пискнула я, подпрыгивая в нетерпении: машиной жадно хотелось заняться самостоятельно, осталось лишь узнать запрос клиента.

– Этому зверю необходимо провести полный осмотр, – "Урааа!" – ликовала внутри я, выдавая себя с головой сумасшедшим сиянием глаз, – и доработать дизайн. Идеи есть?

"Конечно! Конечно, есть!" – практически кричала я всем своим видом, даже бросилась на грудь вовсе не грозного механика и на мгновение крепко обняла его, благодаря. Пусть выполнение самой аэрографии на кузове мне не доверяли, в этом спецом у нас был господин Ятома, но вот к созданию дизайн-проекта приглашали всегда, и я научилась свои идеи высказывать прямо, как чувствовала. Может, это было отголоском моих способностей или еще одной стороной их проявления, но я будто видела, что именно подойдет и клиенту,

и технике. Высказалась я и на этот раз.

– Умница! – довольно прокряхтел Эл, вытирая измазанные руки тряпкой, что фартуком висела на поясе его комбинизона.

– Да бросьте, господин Шуэтаго, это ж я так...

– Так – не так, а мне заливать не надо. Я своим глазам больше твоего верю, – укоризненно глянул на меня тигр. – Ты в этом деле хороша, Катиро. Не обесценивай свои возможности, девочка. Если уж ты отказываешь себе в признании, то не признаешь одобрения и других.

Помолчала, посопела, уточнила, могу ли идти и, получив одобрение, умотала под крылышко своего красавца. Не знаю, как мастеру Матори, а мне вечер прекрасного настроения точно был обеспечен.

Три часа работы пролетели, как один миг, и теперь из автомастерской счастливо-утомленная я направлялась к альфе Игуро: сегодня у нас была запланирована очередная тренировка.

Снаружи главный дом общины выделялся массивными колоннами, сверкающими жемчужным гранитом в заходящих лучах солнца, – весьма располагающий образчик резиденции главы стаи. Крыша из красной металлочерепицы блестела каплями недавно прошедшего дождя. Дышалось вкусно. Запах озона еще раз напомнил мне об Эраме. Грудную клетку свело спазмом, сердце болезненно стукнулось в ней. Эрам... Он и тогда, несколько лет назад, стал глотком све-

жего воздуха для меня, и сейчас. Очередная короткая встреча столько нового передо мной открыла. Позволила и отпустить прежнее напряжение, и переосмыслить происходящее, и наметить новые планы, более смелые, более независимые. Спасибо вам, господин Мареш, что своим под час странным, не всегда понятным мне поведением, Вы помогаете мне приходить к большему и лучшему.

На входе в главный дом общины столкнулась с Тадеушем Игуро. Парень передал, что отец уехал на срочную встречу глав общин острова и попросил его, Тадеуша, провести спарринг-тренировку со мной. Говоря это, тигр стоял в расслабленно-вальяжной позе и с наглой, самоуверенной улыбкой осматривал меня с ног до головы и обратно.

Ржавый капкан тебе в дышло! Где я и где этот золотоволосый котик-переросток, да ещё и в спарринге?!

Возражать не стала. Молча кивнула головой в знак согласия. За сегодняшний день это уже в третий раз! Покорность и смирение... Вурлалак трухлявый!

Пришли на полигон. Взяли в руки деревянные шесты, решив начать разминку с них. Высокомерная ухмылка тигра взбесила не на шутку!..

Удар Тадеуша – мой полуприсяд, прогиб, уклонение. Его подсечка – мой прыжок. Скользящий боковой удар – попыталась уклониться, но он меня задел. Бедро вспыхнуло болью, а я сцепила челюсти лишь бы не застонать.

Встала снова в стойку. Тадеуш атаковал – я уклонялась.

Удар и подсечка от него – я рухнула, и шест у моего горла. Rrrrrr!

Заняли исходную позицию. Его ухмылка, уже абсолютно несдерживаемая, вызвала желание засунуть ему шест по самое... То самое, что у мужчин на вес золота. Достоинство – во! Пока примерялась я, Тадеуш нанес прямой скользящий удар. Уклонилась на кончиках пальцев. Боковой и подсечка – приняла и уклонилась уже увереннее, прогиб и выход из мостика в исходную стойку.

Тигр оскалится, а я сорвалась. Еще один учитель на мою (как там Эрам выразился?..) белобрысую макушку!

Атаковала без предупреждения. Удар, подсечка, верхний скользящий, разворот, нижний прямой, подсечка, ещё одна, полуприсяд, кувырок, боковой скользящий – тигр отлетает в сторону. Его ярость я ощутила ещё до того, как тело коснулось земли. Он вскочил моментально и бросился в ответную атаку. Первый удар я отбила, второй приняла на шест. Он пошел волной, изогнулся и едва не переломился, но все же устоял. Ещё вибрировало волокно, а я уже вновь атаковала. Не нужно было бесить меня! Подсечка, выпад вперёд и боковой скользящий – тигр увернулся. Ответил двойными боковыми ударами – я уклонилась и сделала очередной выпад, затем верхний скользящий удар, нижний боковой, подсечка, и мой шест у горла замершего тигра.

– Туше! – улыбнулся Тадеуш и протянул мне руку, чтобы помогла ему встать.

"Будет подстава," – промелькнуло в голове. Я вложила свою руку в его и полетела кубарем вперед. Сгруппировалась вовремя, поэтому, приземлившись, тут же встала в стойку. Шест потеряла. Как и тигр свой, поэтому дальше мы схватились в рукопашной.

Спустя час я и Дем сидели на траве и хлестали воду. Уже седьмую бутылку. А жажда все не уменьшалась.

– Сейчас сдохну от обезвоживания, – простонал тигр и вылил в рот последние капли воды.

– Ты лишил меня питья! – возмущенно пропищала я: сведенная судорогой стопа только начала расслабляться, боль была – вырви глаз, и я могла разве что пищать.

– Давай помну тебе ногу, – дружелюбно предложил Дем.

– Ты сказал "сомну"? – подразнила его я.

– "Сверну", сладенькая, – улыбаясь во всю пасть, скалил зубы полосатый.

– Послушай, блохастый, – менторским тоном, выталкивая из себя слова по одному, проговорила я, – мы все уже выяснили в спарринге. Ты крут. Твой удар крут. Но мой удар твои крутые яйца едва пережили, поэтому усьмири либидо, кошак драный!

– Как скажешь, сладенькая, – не унимался тигр.

– Rrrrrr! – внесла я свой самый весомый аргумент, и, засмеявшись, мы, наконец, поднялись, отряхнулись и поплелись, поддерживая друг друга, к раздевалкам.

Стоя под душем, я переваривала случившееся. Всё-таки,

неплохо, что эта тренировка была с Демом. После того, как я удачно провела апперкот, какие-либо церемонии были отброшены. Тадеуш сократил себя до Дема, я разрешила называть себя Кати. Хотя этот саблезубый определил меня в сладенькие. Блохастый кот!

Ну ничего, я ему усы-то пооткручиваю и зубы ещё попорчу. Переведет меня из сладеньких в кислые, а то и горькие.

Посмеиваясь над своими планами, я сделала шаг из душа. В следующий миг виски сдавило, к горлу подкатила тошнота, а на уши обрушилась вязкая безмолвная пустота. Картинка перед глазами начала размываться, закручиваться, утягивая сознание водоворотом, и я поняла, что есть буквально несколько секунд прежде, чем очередное видение накроет меня, в чем мать родила. Схватив полотенце, я прямо так, не вытираясь, замотала себя в него. И это все, что я успела сделать. Звук падения тела услышался мной будто через толщю воды, как и спешные шаги вошедшего в женскую раздевалку мужчины.

Я взлетаю вверх, радостно болтая ногами в оранжевых кроссовках, и с визгом падаю вниз. Пшеничные кудри, пахнущие карамелью, закрывают лицо, отчего становится не так страшно. И вот снова рывок ввысь. Улыбаюсь и перебираю ногами в воздухе, чтобы вновь ухнуть в пропасть, накрывшись одеялом волос.

Падать не опасно. Ведь там, внизу, за моей спиной, сто-

ит тот, кому я доверяю полностью. Он подхватит меня. Точно. Он позаботится обо мне в случае чего, как заботился уже не раз.

Ещё несколько взлетов и падений, и папа останавливает качели. Говорит, что пора, и, держа меня за руку, ведет к серебристому паркетнику. За рулем уже сидит женщина. Белокурая, в солнечных очках. Красивая, но холодная, как глыба льда. Посадив меня на заднее сиденье за спиной водителя, папа напоминает, что мой велосипед в багажнике, и мама по приезду к дяде Торэши достанет его. Затем следует поцелуй в щеку и напутствие вести себя достойно, быть его славной кошечкой. Грустное ожидание накрывает меня с головой: я не хочу расставаться с отцом, я ещё не уехала, а уже так скучаю по нему. Целую неделю мы не увидимся...

Дернуло, как будто, оттолкнувшись от илистого дна, я устремилась вверх, преодолевая взвесь и толщью воды, и, "вынырнув", с резким сиплым вдохом открыла глаза.

Лежала на полу все в той же душевой полигона. В полотенце. Перевернутая на спину. Саднил правый бок, на который пришелся удар при падении.

Закрыла свинцовые веки и открыла глаза вновь.

За головой послышалась мягкая поступь шагов. Рядом со мной присел Дем с мокрым полотенцем в руках.

– Очнулась, сладенькая, – беспокойные глаза чайного цвета вглядывались в мое лицо. Тигр аккуратно свернул поло-

тенце и положил мне на лоб, слегка придавив тяжёлой рукой. Полотенце было холодное, и я с облегчением застонала: гул и напряжение в висках чуть отступили.

– Это я тебя так во время тренировочного боя впечатлил, что ты к моим ногам теперь падаешь? – смеяться-то он смеялся, но больше не издевательски, а тревожась и переживая.

– Помоги мне встать, – попросила я Дема. Не смотря на слабость в теле, надо было торопиться. У меня есть портрет мужчины. Новая информация могла помочь в поисках девочки.

– Куда ты так спешишь? – тигр смотрел на мои попытки самостоятельно встать, морщился и в результате все же подал руку, придержал и помог перебраться на скамейку.

– Мне надо к безопасникам. Есть дополнительная информация по одному из свежих дел, ее необходимо проверить, – полотенце – умница – держалось на мне, прикрывая все стратегически важные места, как приклеенное.

– Свежих дел? У тебя со службой безопасности? – и Дем так выразительно посмотрел на меня, что мне захотелось не менее выразительно отправить его в кошачий тур. Сильно-сильно лишний и блохастый.

В итоге промолчала. Сил на возмущение пока не было. Времени и того меньше. Поэтому, поджав губы, я по стеночке поднялась, по ней же двинула в раздевалку. Пока доставала сменную одежду, мимо прошел недовольно сопя тигр, хлопнул дверью... Ну и шут с тобой, венценосный ты наш.

Оделась. Во рту горчило, голова гудела, мышцы болели, как после длинного трудового дня, хотя, что это я, день действительно был длинным, насыщенным и заполненным трудовыми и не только подвигами.

Выйдя из здания, отметила, что солнце давно уже село, а мой рабочий день продолжается. "Покой нам только снится", – хмыкнула себе под нос и сделала шаг в направлении главного дома общины: служба безопасности, я иду к тебе. Второго шага не последовало, дорогу мне перегородил насупившийся Тадеуш.

Постояли, посмотрели друг на друга.

– Рассказывай, – произнес, наконец, тигр. Загорелые руки в карманах брюк, тяжелый взгляд из под бровей.

– А надо? – скептически подняла левую бровь. Попробовала обойти этого... рыжего.

– Надо, – заступил мне вновь дорогу Дем. – Если отец тебе разрешил сотрудничество с отделом безопасности общины, значит, дело требует внимания. В том числе и моего. Что произошло в стае?

– Нуу... не то чтобы произошло, – замялась я, не зная, как сказать коротко и по содержанию о своих видениях и том, что сейчас никаких точных сведений по новому делу у меня нет, как нет и самого дела, и даже расследование-то толком никто не инициировал. Альфа лишь разрешил проверить некоторые предположения. – И не то, чтобы в стае, – добавила я ещё тише.

Хмурый вид Тадеуша стал ещё хмурее. Ну вот, а у нас только начали складываться более-менее приятные отношения.

Смирившись с неизбежным я начала вводить Дэма в курс дела. Пока рассказывала о своих видениях, он хмыкал, скептически вздергивал бровь, иногда морщился, будто у него прихватывало зуб. Но молчал. Не возражал, не комментировал. Уже хоть что-то. Когда я закончила, он сказал лишь: "Ну пойдём, проверим твою информацию" и, отступив с дороги, зашагал рядом со мной.

Глава 6

Добравшись до кабинета службы безопасности общины, я изложила всю имеющуюся у меня информацию на бумаге, перепроверила факты и оставила этот документ для альфы. Безопасникам и себе сделала копию.

Девочка была оборотнем, скорее всего, тигром, как и ее отец. Села в автомобиль серебристого цвета. Регистрационный номер машины я не видела, ракурс был не тот, да и марку автомобиля не могла назвать сходу – надо залезть в автокаталоги и поискать подходящую.

Что ещё?

Ещё есть приблизительный портрет матери девочки. Очень-очень приблизительный, поэтому он пока мало информативный. А вот поиск семейной пары двух оборотней-тигров с дочерью лет семи организовать по базам можно. Повезет, если пара скрепила отношения зарегистрированным браком. Здесь, конечно, вариантов может быть много, и все же попробовать стоит. По ощущениям, девочка – единственный ребенок в семье, а вот это уже не характерно для тигров, обычно у них от двух детей и более. Природа берет свое.

Кроме всего прочего, есть еще одно действующее лицо – дядя Торэши! Девочку к нему везли, скорее всего, перемещались из одной общины в другую. Мало кто живет обособ-

ленно от стаи. Городские? Какой бы отец отпустил маленькую дочь в городскую квартиру – бетонную коробку, сидеть в которой ребенку совсем никакой радости? Да к тому же девочка взяла с собой велосипед. Нет, это точно не город. Сельская местность или закрытая территория общин. В первую очередь необходимо проверить все стаи нашего острова, потом уже следует переходить на континент.

В целом, пока возможных вариантов слишком много. Необходимо сужать поиски. Дохлый вурдалак, мне нужна новая информация!

Итак, сейчас есть мужчина с именем Торэши. Это уже больше отправных данных, чем было вчера. Да поможет Великая Степь, и Торэши в наших местах будет немного.

Есть еще моя интуиция, и она говорит, что девочка где-то по близости. В первую очередь надо проверять жителей поселений нашего острова. Может, здесь ее родственники или те, кто знает эту семью. Нужно, очень нужно составить пускai и приблизительные, но фотороботы тигров.

В добавок к этому, неведомого Торэши мать ребенка называла дядей. Вряд ли, это просто обращение как к старшему мужчине, скорее, все же родственные отношения. То есть он чей-то брат. Либо отца девочки, либо матери. Гипотетически дядя может быть тигром. Это, если, конечно, в их семье не было смешанных расовых отношений, иначе вариантов звериной сущности дяди будет много больше.

Опять эта вурдалакова неопределенность, растущая с гео-

метрической прогрессией! И так каждый раз! Каждый новый поиск разгадки очередного видения, что подбрасывает в мою голову жизнь!

К тому моменту, как я закончила со сбором и анализом данных, в комнате безопасников осталось около десяти оборотней. И я всех загрузила работой. Что удивительно, никто меня не послал к вурдалаку в отхожее место – либо альфа провел пояснительный инструктаж, либо сказывалось присутствие Дема. Ни для кого не было секретом, что Тадеуш – прямой наследник альфы, он, как бы, и единственный. Силы в Деме было более, чем достаточно, чтобы справиться с предводительством в стае, оставалось набраться знаний и опыта. И мастер Игуро активно помогал сыну, вон даже позволил ему несколько лет обучаться на континенте.

Время шло. Безопасники шерстили списки имен поселенцев острова в поисках подходящих нам персон. Тадеуш, взяв себе в помощники двух младших бэт, занялся жителями континента, а я листала каталоги автомобилей, надеясь найти тот самый серебристый паркетник.

В итоге нашла. В два часа ночи. И это было первая и единственная находка. Все прочие изыскания пока не дали положительных результатов. Разошлись спать весьма недовольные друг другом: я – тем, что медленно движемся, оборотни – тем, что ищут то – не пойми что, слишком мало конкретики, слишком много вариаций.

Утром меня поднял громкий стук в дверь. Сомнамбулой

шлепая на звук, кинула взгляд на часы – половина шестого утра. Дохлого вурдалака тебе в жены! Такая рань! Я же только легла чуть больше двух часов назад!

– Подъем, Отребье! – раздалось ненавистное, как только я повернула оба замка на двери.

Ламото!.. Червяк линиялый!

– Просыпайся говорю, Катиро! Труп нашли!

Чччего?!

Видно эту фразу я озвучила вслух, потому как гадский тигр прорычал: "Того!" – и, схватив меня за шкуру (не порвал бы пижаму, вурдалак бездушный), потянул в спальню. Открыл дверь и, закинув в комнату, добавил: "Две минуты, Отребье!"

Упырь блохастый! Чтоб с тобой жена так обращалась! Распустил лапы, ирод саблезубый! Клыки у него лишние!

Взбрыкивая от ощущения его противных прикосновений – не могу, когда меня касаются, а когда касается этот червяк, особенно – натянула на себя первую попавшуюся одежду и вышла.

Ламото шарил по шкафам на моей кухне...

Застыла от подобного зрелища.

Скотский тигр!

– Лапы убрал, не у себя дома! – прорычала я непрошенному гостю.

– Плохая из тебя хозяйка, Отребье. Ни перекусить, ни пожевать нечего, – и он, захлопнув дверь последнего шкафа,

направился к двери. – На выход, Катиро! Ждать тебя никто не будет!

– И, все-таки, вы ждете, – мстительно сказала я, истинно наслаждаясь ситуацией, и, успев схватить лишь рюкзак, вылетела под злобным взглядом Ламото.

На любую пасть, червяк Суи, свой намордник найдется, как и на каждую шею – свой хомут.

Труп действительно был. Правда, не первой свежести. И даже не второй.

Один из патрулей в рядовом рейде наткнулся на кость. Чистую. Без каких-либо следов зубов, когтей и прочих повреждений. Весь ужас этой кости состоял в том, что она была человеческой. Маленького человека.

А вот кого именно, оборотни выяснить не могли: от костной ткани несло едкой химией, и этот запах перебивал все остальные. Именно на него сотрудник патруля и среагировал: в лесу было не место подобным проявлениям.

Кость была человеческой, а оборотни – бессильны в опознавании. Поэтому вызвали меня. Как ни отвратительна я была членам общины, как ни ничтожна для них, как ни отрицали, ни презирали, ни высмеивали они мои способности, а в случае безвыходных ситуаций использовали все возможные варианты, в том числе и мои навыки.

Оборотни – ... такие оборотни.

Я натянула резиновые перчатки и прошла за предупреждающее ограждение. Взгляд встретился с напряженными лицами безопасников в чахоточном свете фонарей. Прежде уютный парк на северо-западной окраине общины, где здорово было пробежаться по утрам, мечтательно полежать в послеобеденные часы на ароматной траве или поиграться с шумной ребятней, купаясь в лучах отгорающего дня, сейчас был сосредоточием мрачного яростного бессилия, до болезненности открытого и оттого еще более неправильного.

Оборотни из ночного патруля вместе с безопасниками продолжали исследовать окружающую территорию, скорее всего, рассчитывая найти и другие составляющие человеческого тела. В поисковой команде мне делать было нечего, эти ребята и без меня справятся.

Сопровождающий меня Ламото направился к металлическому столу, я – за ним. На холодной поверхности отражались первые лучи восходящего солнца. Для нас новый день уже наступил, а для того, чьи останки лежали сейчас в боксе, он не наступит больше никогда.

Кость юного создания отливала молочной желтизной. Это было одно из ребер грудной клетки ребенка. Я это точно знала. Занятиями анатомией в школе и в колледже я искренне наслаждалась. Мне нравилось изучать строения тел представителей разных рас, нравилось устанавливать причинно-следственные связи в работе систем организмов, нравилось нахо-

дить ответы на вопросы, возникающие перед лицом науки.

Что мне не нравилось, так это стоять сейчас перед лишенным жизни человеком и, сцепив зубы, удерживать себя от побега. Если кто думает, что погружаться в мир другого сознания просто, приятно пропускать через свое тело его мысли, чувства, телесные ощущения, он не был на моем месте. Эти процессы сложно назвать приятными, желанными и тем более их сложно охарактеризовать "любимой работой". И, все-таки, здесь нужна моя помощь, и я постараюсь уделить столько внимания, сколько могу.

Осторожно взяв в руки кость, осмотрела ее со всей тщательностью, понюхала. Все, как и рассказал Ламото: следов повреждений нет, обработана химией. Я бы даже предположила, что благодаря химическому составу мы и имеем такую чистую кость, например, кислота могла разъесть ткани, не повредив костную структуру. В целом, под действием кислоты могли разложиться и остальные кости скелета, а эта по каким-то причинам уцелела. И вот вопрос: тело ребенка само попало в эту кислую среду или ему помогли. Если второе, то это уже преступление. В первом же варианте мы имеем дело с трагическим несчастным случаем.

Сжимая в руках со всей деликатностью останки чужого тела, я попробовала прислушаться к своим ощущениям. Слушала, вращала кость, снова слушала – ничего. Раздражающая пустота. И чем дольше я пыталась увидеть хоть что-нибудь, тем сильнее раздражалась. Дискомфорт доставляли

мельтешащие туда-сюда безопазники, шепотки, искоса поглядывающих на меня оборотней, криво надетые носки, собравшиеся гармошкой под пяткой...

Перчатки на руках и те бесили!

Осознав это, я положила улику в бокс, сорвала перчатки, поправила носки и выдохнула. Выдохнула и снова выдохнула. Стало легче, но этого было мало, поэтому я продолжила дышать, все глубже, все шире, все медленнее. И когда мое настроение стало гладью утреннего озера, что чистым зеркалом встречает румяный рассвет, снова взялась за дело.

Новый комплект перчаток, и кость в руках.

Я прикрыла глаза, тем самым отстраняясь от мельтешащих перед глазами посторонних образов. Нашла точку опоры внутри себя и сосредоточила все внимание на ней – это позволило отгородиться от окружающих шумов. Они не исчезли совсем, но уже не звучали так ярко, отдельно, лишь фоновый далекий-далекий гул. Постепенно во внутренней тишине осталась только я, и тогда мое сознание подсветило человеческую кость, позволяя подойти к ней, стать ближе, чтобы ощутить ее, чтобы почувствовать.

Было тепло. Нет, сама кость, конечно, была холодной, но от нее исходило тепло. Лучистый смех. Озорное настроение. Ее хозяйка любила шутить и улыбаться. Еще она любила быструю езду на велосипеде и бег истинной сущностью по лесу. Скольжение между столетними исполинами, пружинистая земля, послушная давлению лап, ароматы пряных трав,

нагретой солнцем ливны и коры деревьев, жужжание насекомых. Ее зверю очень нравилась такая жизнь...

Она была оборотнем. Молодой волчицей.

Ей было девять.

Вирейского слизня тебе в уши!

Тяжело дыша, я открыла глаза. Долго смотрела злым взглядом вникуда, пытаюсь справиться с накрывшими лавиной эмоциями. Не знаю, что произошло, но эта девочка точно любила жизнь. И не хотела умирать. Смерть вообще была вне зоны ее интересов. К сожалению, за нее выбор был сделан преступником, теперь я уже точно знала, что о несчастном случае здесь и речи не шло.

Заметив мое состояние, подошел один из патрульных. Я продиктовала под запись все, что почувствовала и увидела. Сам момент гибели оказался мне не доступен. Время смерти и точных данных по девочке я назвать тоже не смогла. Поэтому дело, конечно, завели, но вот раскрыть его было пока не под силу. Висяк, как есть висяк...

Отпустили меня ближе к обеду. Все, что могла я сделала, и последний час лишь болталась среди безопасников ночной смены, доставая их вопросами по результатам анализа баз данных относительно моих запросов. Подвижек по-прежнему не было, и выявленная марка автомобиля тоже ничем не помогла. На острове такие машины не регистрировались, на континенте же их было сорок шесть штук, и ни одна не принадлежала тигру.

Засада!..

Вторую половину дня я провела в мастерской старшего Матори. Перебирали двигатель и проверяли ходовую пикапа господина Йокашими. Работали споро, в четыре руки, без лишних разговоров и эмоциональных всплесков.

– Вурдалакову жену тебе в полюбовницы, да чтоб он вас застучал и по косточкам перебрал! – выдал мастер Матори, и я оценила всю коварность и грандиозность его ругательства.

С признанием об отсутствии эмоциональных всплесков я, кажется, поспешила. Старший Матори был горазд на выдумки и особо виртуозно использовал их в ругательствах. От него я их и понабралась за несколько лет близкого знакомства.

Старый оборотень мне вообще нравился, даже не смотря на то, что ворчал много, по делу и без него. Не пугал меня и внешний вид мастера: его лицо пересекал неаккуратно сросшийся шрам – травма, полученная им в детстве, ещё до первого оборота, и потому оставшаяся без должного восстановления. Сейчас, получи он подобное ранение, через неделю бы и следа не осталось, регенерация сработала бы на отлично. А в детском возрасте оборотни уязвимы, как обычные люди. Моя регенерация, к примеру, до сих пор сбоит. Она быстрее, чем у людей, но медленнее, чем у тигров. С оборотнями других звериных сущностей я не сравнивала, возможности не представлялось.

Плохо знакомые со старшим Матори могли посчитать его

грозным, ворчливым и излишне суровым, но я-то знала, что все это маска, за которой живет добрейшая душа. Именно мастер Матори терпеливо возился со мной, вытаскивая ворох заноз из самого многострадательного для любопытного подростка места – из носа, когда я пробороздила им по грубому дощечатому настилу, убегая от двух разъяренных оборотней: а не надо было подглядывать за тем, чем занимается уединившаяся парочка в период полной луны. И именно мастер помогал мне разобраться с инженерно-техническими проектами, которые я защищала в колледже. Именно он первым поддержал меня, когда в общине пошла волна недовольств тем, что альфа Игуро к спорным ситуациям стал привлекать меня для выяснения большего количества деталей, неявных или намеренно утаиваемых членами конфликта. И смотря на старшего Матори, я видела именно такого его. Доброго, надежного, бережного.

– Дохлый карбюратор! – раздалось надо мной, и в стену полетел разводной ключ.

– Эммм... Мастер? – ну раз он себя так ведет, пусть сам и объясняет причины всего этого.

– Хренастер! – зло рыкнул Матори и прошагал до стены за брошенным ранее ключом.

– Это комплимент вам или самообличение? – сильно удивлюсь, если второй вариант, подобного за ним за все время нашего знакомства не водилось ни разу.

– Это признание за господином Йокашими неумелого об-

ращения с автомобилем, Катька, – выдал оборотень и закурил. Да-да, большинство оборотней терпеть не могло запаха табака и сигаретного дыма. Большинство, но не мастер Матори. Этот курил много и со вкусом. А главное с чувством абсолютного удовлетворения своего права на личный выбор.

– Господин Йокашими умело обращается с закусточными, видимо, этого ему достаточно, – вести такие, ни к чему не обязывающие, разговоры нам было обоюдоприятно.

– Девочка, не смейся мои клыки. Умело господин Йокашими только ставит подпись на важных бумажках. Обо всем остальном заботиться госпожа Йокашими. Вот уж в чьих цепких руках не забалуешь, – и, насвистывая, оборотень снова залез под капот по самую... пусть будет талию.

Через несколько часов мы закончили все работы, сдали реанимированный автомобиль счастливому господину Йокашими, который так спешил отвезти домой уставшую за день госпожу Йокашими, что забыл в мастерской пару пакетов с готовой едой. Когда нам удалось дозвониться до него, еду презентовали нам в знак особой благодарности за оперативную работу. И с чистой совестью я сытно поужинала в кругу семьи старшего Матори.

Вечерней тренировки с альфой Игуро снова не было: он всё ещё был в отъезде. Дем тоже покинул общину, поэтому и с ним не получилось встретиться. Я зашла к безопасникам, но и они ничего нового не сообщили. О пропаже девочки подходящего возраста по-прежнему никто не заявлял. Муж-

чину с именем Торэши в базах общин острова и континента выявить не удалось. Я попросила ещё раз перепроверить информацию по серебристому автомобилю, может, всё-таки, мы пропустили машину, принадлежащую тигру, компании тигра или взятую напрокат тигром. Безопасники одарили меня такими говорящими взглядами, что стало и без слов понятно, как я им дорога и как ценно их время, которое я за просто так у них отнимаю. И мне стало почти стыдно, и я даже открыла рот, чтобы извиниться... Но тут же его закрыла, потому как вспомнила маленькую девочку на желтом велосипеде, а также девочку, чьи останки нашли сегодня утром. Их жизни стоят того, чтобы проверять и перепроверять поступающую информацию. И если одного ребенка уже не спасти, то за жизнь второго ещё можно и нужно было бороться.

Глава 7

На следующий день я проснулась, как в лихорадке. Меня знобило, бросало то в жар, то в холод. Сильно болело плечо, тюкало, будто нарывала рана. Да и трясло меня, скорее всего, тоже из-за плеча. Дойдя до ванной, я внимательно осмотрела себя. Верхняя часть плеча была воспалённой, красноватые отметины, как следы от укулов только без проколов кожи, вспухли и пульсировали болью. Измерила температуру – ошметок вурдалака, высокая!

Закинувшись жаропонижающим, положив холодный компресс на кожу, а на себя натянув футболку и теплую рубашку, я пошла в ближайший медпункт. Меня пошатывало, накатывала слабость, тошнота, головокружение, слезились глаза. Вот это я попала!.. Да я и вспомнить-то не могла, когда подобным образом болела. Может, я – и не полноценный оборотень, но иммунная система работала у меня прекрасно.

Врачебный осмотр показал, что я полностью здорова. Надо сказать, что пока я ждала своей очереди, мне действительно полегчало. Просто отпустило, и все. Вспухшие следы на плече док осмотрел. Предположил, что это укус насекомого, но следов проколов не нашел. К завершению осмотра исчезло не только плохое самочувствие, но и покраснения на коже.

Мы с доком – господином Гаирэшем – были знакомы дав-

но, с самого первого дня моего проживания в стае, поэтому я свободно завалила его вопросами относительно того, что это со мной сейчас такое было.

– Если бы я знал, Катиро, – пожал плечами док. – Хотя, знаешь, одно допущение я все же сделаю, – мои глаза внимательно уставились на него. – Помнишь историю с братьями Саттураши? Когда Эирико пробовал откромсать себе палец ножом для нарезки хлеба, а Карико это почувствовал. У него тогда ещё на коже красная вздувшаяся полоса была, которая прошла в течение часа, после того, как мелкого Саттураши обезвредили.

В подтверждение наличия подобных воспоминаний я кивнула, внимательно следя за мыслями дока.

– Ну так вот... Могу предложить, что сейчас мы наблюдаем у тебя нечто подобное. Возможно, есть кто-то, с кем ты соединяешься не только сознанием, эмоциями, но и телесно, поэтому и чувствуешь физически то, что происходит с тем, другим. Ты просто зеркало, на котором отражается состояние твоего информатора.

– Какое интересное слово-то Вы подобрали, – задумчиво подхватила я мысль дока.

– Да вот как есть. Связь, скорее всего, односторонняя. Ты получаешь информацию без возможности обратной передачи сигнала. Значит, тот, кого ты считаешь, – информатор... Ну или донор, если тебе такая терминология больше нравится, – ухмыльнулся доктор Гаирэш.

– Уж лучше информатор. С донором ассоциации все больше кровавые, – и в притворном ужасе я показательно содрогнулась.

А уже направившись одеваться, я услышала:

– С кем ты сейчас работаешь, Катиро?

– Есть несколько приходящих образов. Девочка семи лет. Мне кажется, она попала в беду. Альфа Игуро в курсе, дал мне допуск к службе безопасности. Ищем любую информацию. Пока по нулям.

Ещё мне снятся странные сны. И жуткий мужчина... Вот он не только снится. Его образ иногда перебивает или, даже правильнее будет сказать, вклинивается в мои живые погружения.

– Это как? – удивленно приподняв брови, задал вопрос док. Его взгляд был серьезным и внимательным. Его эмоции были чистыми, в них сквозило любопытство. Похожее чувство я испытывала в зоопарке, когда с интересом и некоторым даже восторженным ужасом смотрела, как огромный питон потребляет весьма упитанного кабана. Змея последовательно заглатывала вполне себе живого вепря, лишь слегка оглушенного и придушенного. А для дока я, похоже, представляю собой тоже некую зверушку из зоопарка – занятное зрелище, которое приятно исследовать.

"Я – отрада для его научного интереса", – с некоторой горечью признала я про себя, а вслух постаралась дать ответ на его вопрос:

– А так... Касаюсь предмета, просматриваю эмоции, чувства, мысли лиц, которые с ним контактировали. Иду ещё глубже в их сознание, пытаюсь буквально влезть в их шкуры, стать ими, прожить в их телах интересующие меня моменты жизни, и тут, бац, голос этого мужика, его отвратительные ручищи на моем теле и ощущение бесконечного падения в бездну. Полная беспомощность и отчаяние. И ещё что-то похожее на неизбежность... Или смирение... Жуткое сочетание эмоций и ощущений.

– А следы на коже в местах касания об этого "жуткого мужика" ты замечала? – подмигнув и намеренно исказив речь, чтобы разрядить обстановку, спросил док и пододвинул ко мне чашку горячего и сладкого чая.

– Не смотрела, – даже и не догадывалась о том, что хорошо бы посмотреть.

– Посмотри, – назидательно изрек светило медицины нашей общины. А когда я допила свой чай, подражая великим проповедникам, громко провозгласил:

– Встань и иди, дочь моя.

Я встала и пошла.

Ушла, правда, недалеко. Только вышла из здания медпункта попала в лапы Ламото. Этот слизняк вновь попробовал их распуścić в мою сторону, за что и получил удар по... самолюбию. Шипя и отплевываясь, Ламото приходил в себя, а я оттирала с кожи следы его прикосновений.

– Отребье, сломаю ноги и вырву руки, будешь их распус-

кать, – держась за... самолюбие, размеры которого совсем не впечатляли, цедил сквозь зубы тигр.

– Не подавись собственным ядом, Суи. Ты первый начал, – осторожно обошла его и продолжила движение в сторону мастерской старшего Матори: работу ведь никто не отменял.

– У нас труп, – рывкнул саблезубый так, что обернулись все в округе. Заметив лишнее внимание, тигр как будто даже смутился. Сказала бы, что это смущение, если бы не была уверена, что конкретно этому оборотню такое чувство не знакомо.

– Ты перепутал дни, Ламото. Это было вчера, – делаю вид, что все происходящее меня никак не касается, и лишь ускоряю шаг. Впереди спасением маячит вывеска "Кофейных радостей" – заведения госпожи Суеоби, пускай к кофе я дышу ровно, но прямо сейчас я готова любить его всей собой, лишь бы только избежать внимания червяка Суи.

– Не лезь в дела старших, Отребье! Если я сказал труп, значит, труп. И ко вчерашней находке он не имеет никакого отношения, – в этом месте я остановилась, повернулась и поинтересовалась:

– И кто у вас труп? – чуть было не вырвалось: "И кто из вас труп?", но язык удалось вовремя прикусить.

– Юная тигрица, – нахмурившись, произнес Ламото, а мне поплохело.

– И насколько юная? – да, это я сиплю, а как иначе, когда

тревога схватила за горло и не позволяет выдохнуть.

– Информация уточняется, – оборотень отвел взгляд и продолжил: – Вроде как, смерть свежая. Документов при себе нет. Подходит под описание твоей потеряшки: цвет волос, оранжевые кроссовки на ногах. Тело час назад достали из реки рыбаки, везут на континент. Нас попросили подъехать. Если мы выдвинемся сейчас, успеем на ближайший паром.

– Мы? – я в шоке, но это его "мы" отловила мгновенно. Никаких совместных "мы" с Ламото я не рассматривала, ни в каких сочетаниях.

– Мы, Отребье, – уже полностью успокоившись и вернув себе высокомерно-отстраненный вид, проговорил тигр. – Альфы нет, чтобы сопроводить тебя на континент. Тадеуш со вчерашнего дня отсутствует. Безопасники которые сутки на ногах, у них и без тебя забот хватает. Сообщение передали мне, попросили доставить тебя на опознание и вернуть в стаю, желательно, к вечеру. Поэтому шевелись, Катиро, скоро отправление парома, – и Ламото бодро зашагал в сторону стоянки автомобилей. – И раз уж все умыли лапы, то теперь мне с тобой весь день мучится.

– Угу, – пробормотала злая я, устремляясь вслед за тигром, – это ещё кому с кем придется мучиться!..

Желтый пролив растянул свои мутные воды на многие ки-

лометры. Как в длину, так и в ширину. Мы только отплыли с острова, и противоположного берега пока не было видно. И ещё примерно с час пути на горизонте будет одна водная гладь. Лишь потом медленно из тумана расстояния начнет проступать скалистый берег, густо заросший кустарником кшүэ. Ещё чуть позже проявятся очертания Киоташи – ближайшего портового города континента – с его высотными застройками, зелёными парками и множеством площадок для гольфа. Последнее – прихоть местных жителей. Практически каждая третья семья в Киоташи играет в гольф, а каждая пятая – содержит и обслуживает площадки для гольфа.

Лично меня сейчас гольф волновал в последнюю очередь, а вот от тревоги относительно предстоящей встречи уже подташнивало: а вдруг там, по другую сторону пролива, на холодном бетоне портовой набережной действительно лежит моя девочка? Та папина "славная кошечка", чьи волосы пахнут карамелью; та, которая любит взмывать вверх и падать вниз в бережных руках своего отца; та, которой нравятся яркие кроссовки и велосипеды, нравятся цветные плетения из нитей и зеленые атласные ленты на руле.

И я всерьез ее считала уже своей. Я столько про нее знаю, благодаря нашей связи. Ее эмоции, ее предпочтения, ее ощущения... На последней мысли я дернулась – так вот кого я отражаю телом! Ну конечно! Это не мне было плохо с утра, это не меня бросало то в жар, то в холод, и это не у меня на плече воспалились следы то ли от укулов, то ли от укусов!

Это все происходило с ней!..

А потом весьма быстро затихло.

Вурдалаков день! Как там Ламото сказал? "Вроде как, смерть свежая... Тело час назад достали из реки рыбаки, везут на континент".

О Великая Степь!

Бросив взгляд на часы, поняла, что около трёх часов назад я проснулась от тяжелого физического состояния, потом я была у дока Гаирэша, и симптомы прошли. Прошли, потому что девочке стало лучше? Или потому что её жизнь оборвалась, а вместе с ней прекратилась и наша связь?

Может быть и так, и так. По времени подходят оба варианта. Тревога внутри меня начала усиливаться. Дышать стало труднее, в груди одновременно и пекло, и будто каменело – нарастала обжигающая тяжесть. Ладони вспотели. Удушливая волна поднялась от живота и полезла скользким слизнем вверх, накрыв меня с головой, оглушив, практически полностью лишив возможности дышать.

Так... Так... Это состояние я уже проходила. Дальше мне никак нельзя. Я отказываюсь возвращаться в то состояние бессильного скулежа и беспомощности перед нарастающим ужасом. Как говорил психотерапевт, панические атаки поддаются регулированию, было бы желание клиента. Я желаю! Я очень желаю никогда больше не возвращаться в свое прошлое! А потому важно перестать мыслями питать страхи и начинать создавать опоры. Пора перестать зацикленно пере-

жевывать тревожащие факты. Необходимо искать и другие возможные благоприятные исходы.

Мое состояние вообще может быть никак не связано с состоянием девочки. Раз!

Девочка может быть действительно больна, но о ней есть кому позаботиться, и он сделал это, оттого ей и полегчало. А значит, симптомы ушли и у меня. Два!

Девочка могла уснуть, вырубиться, потеряв сознание, другие, более худшие варианты я рассматривать отказываюсь. Три!

Девочке может быть до сих пор плохо, но сама наша связь временно ослабла или прекратилась вовсе. Я же ее не все время чувствую, а короткими периодами. Четыре!

Вирейского слизня тебе в двигатель! Да сколько же еще плыть?! И есть ли какая-то свежая информация по ситуации в порту Киоташи?

С этими вопросами я решила обратиться к Ламото. Он, как только мы зашли на паром, занял место у противоположного борта судна и лишь изредка поглядывал на меня. Сейчас его внимание было занято тремя милыми тигрицами, откровенно флиртующими с младшим бэтой. Что ж, их понять было можно, если не знать о паршивом нутре тигра.

Я осторожно подошла к увлеченно болтающим оборотням и, дождавшись, когда Ламото переведет свой взгляд на меня, задала интересующий вопрос:

– Есть ли уточненная информация по найденной... –

здесь я замялась, не зная, как мягче выразиться в присутствии непосвящённых, — ... девушке?

— Не, — вальяжно откинулся на бортик тигр, — до посадки на паром мне не звонили. А сейчас связи нет, здесь обычно телефон не ловит.

— А сколько нам ещё плыть? — да, на континенте я ни разу не была, это моя первая поездка. И терпение во мне на исходе, нервы и так натянуты в дрожащие струны.

— Ещё минут сорок, — и, заскучав со мной, бета снова переключился на молодых тигриц.

Паром высадил нас у серой гранитной набережной. За время плавания испортилась погода, и теперь свинцовые тучи вместе с унылым камнем давили тяжелым грузом на мои плечи. С того места, где мы вышли, не было видно зелени парков и кучерявых полей для гольфа. Только холодная сталь зданий и бездушное стекло, многократно отражающее сейчас графитовое небо в росчерках неоновых молний. Дождя ещё не было, но громовые раскаты в облаках, сопряженные с отдаленным рокотом улиц шумного города, все больше накаляли пространство, и ощущение неминуемого ненастья становилось плотнее, осязаемее.

Пассажиры парома, сойдя на берег, направились к стоянке транспорта и линиям поездов, что стальными лента-

ми расходились от порта. Одни ныряли под землю, другие стелились вдоль парков и домов, увозя рабочих в промышленные районы Киоташи. А третьи и вовсе взмывали вверх, чтобы в воздушном пространстве парить над Киэдо – бизнес-центром города.

Ламото вышел из общего потока пассажиров и повернул в противоположную от него сторону, ближе к докам. Я – за ним.

Группу из десяти оборотней мы разглядели издалека. Двое служащих патруля в серых форменных костюмах, двое сотрудников службы безопасности порта – эти были в синем. Рыбаки стояли отдельной группой, тесно прижавшись друг к другу. Все в жёлтых непромокаемых комбинезонах и фирменных кепках.

Накрытая черной тканью у их ног лежала девушка. Ламото, заметив направление моего взгляда, чуть выступил вперёд, перекрыв тем самым обзор. От него сейчас веяло сочувствием и тревогой. Но не за себя...

За меня?!

Это он меня сейчас оберегает что ли?

Мое недоверие было абсолютно уместно. И все же... Возможно, не смотря ни на что, и в Суи Ламото есть отзывчивость и желание заботиться о близких. От этой мысли стало тепло. Хорошо, когда случай небезнадежен. Когда и во тьме рождается свет. Хотя случается, что и во свете рождается тьма...

"Иди к папочке, девочка!.. Ты моя!"

Свело живот. Сдавило грудь. И, чтобы не застонать, я так сжала челюсти, что загнула десны и заломило виски.

Едкий образ настойчиво жалил нутро, стрелял токами, и меня передергивало. Ламото это заметил, переместился, еще больше закрывая ожидающую группу. Он решил, что меня так лихорадит из-за погибшей? Есть гораздо более жуткие вещи, но ему я этого объяснить не собиралась. Теперь передо мной была только спина тигра. Я двигалась за ним, след в след, загоняя так глубоко, как могла, все ненужные сейчас переживания.

Подойдя к патрулю, Ламото представился, показал свои документы, махнул рукой на меня и кивнул на убитую.

То, что девушка убита, я уже знала. Чувствовала. Задушена. Перед этим, кажется, жестоко избита. Я ощущала, как ломались ее кости, как она жалобно плакала от боли, звала маму, но никак не могла остановить происходящее. Боль то нарастала, то отступала, но лишь затем, чтобы прийти вновь и ударить по ней еще сильнее. Чудовищные терзания...

Из задумчивости меня вывел Ламото. Кажется, уже не в первый раз он тряс меня за плечо. В месте, где касались его жилистые пальцы, изрядно болело. Посмотрела на тигра, перевела взгляд на патрульного, он был медведем. Последний сказал, слегка нахмурившись: "Пройдемте", и мы прошли.

Я села возле девушки. Простынь по-прежнему скрывала ее от меня, но сейчас это было даже на руку. В лицо я ее все

равно не узнаю, а новые детали будут лишь отвлекать. Все, что могу, – это настроиться на нашу связь, слиться с сознанием тигрицы, стать проводником ее ощущений и эмоций. Поэтому, закрыв глаза, я успокоила свое дыхание, через него расслабила и тело. Отрешенно почувствовала, как происходящее вокруг меня постепенно меркнет: концертный зал, взгляды устремлены на сцену, и общий свет медленно тает, погружая во тьму все лишнее, оставляя на виду лишь важное. Гаснут огни рядов балкона, бель-этажа, амфитеатра, затихает в темном безмолвии партер. И все внимание сосредоточено светом софитов на главной сцене, что дрожит предвкушением встречи со мной. Ощувив цель, я отпустила сознание.

Боль! Она выдирает кости из суставов, раздирает сухожилия, рвет мышцы. Я чувствую, как сминаются, растираясь в кашу, внутренние органы. Кричу! Хочу уползти, но та дрянь, что мне вкололи, превратила мышцы в безвольные ленты, я не могу ими управлять.

Меня трясло. Не выходя из трансового состояния, продолжая ощущать все, через что проходила молодая тигрица, я старалась нащупать ее более ранние воспоминания. Мне важно было увидеть не только сам момент смерти, но и то, что ему способствовало. Уловив образ матери, промелькнувший среди ужаса, боли и усталости, я нырнула еще глубже.

Рыжая женщина с янтарными глазами качает на руках малютку. Что-то говорит, улыбается. Мне нравится ее улыбка.

Нежная. Любующаяся совершенством на ее руках. Каждое прикосновение наполнено осторожностью, священным трепетом, благоговением.

Скольжение по линии времени, и я вижу уже другие события.

В рыжие волосы прокралась седина, но янтарные глаза все так же светятся искренним обожанием. Я люблю мою мамочку, она у меня самая лучшая. Она та, что дала мне все. Какой ценой – только ей известно, ведь отца я потеряла в раннем детстве. А мама... Мама одна сделала все, чтобы я ни в чем не нуждалась. Сегодня у меня отчетное выступление в танцевальном классе, и я готова. На мне идеальное платье, тело помнит каждое движение. Я смогу.

Распахнула глаза. Графитовое небо тут же спикировало на мою больную голову, и глаза пришлось закрыть.

Во рту было отвратительно. Вкус ржавого металла с глотанием проникал в гортань, отравляя все живое до самого желудка. Последний возмущенно взбрыкивал, посылая все и всех. Эта страшная смесь озлобленного отторжения с беспомощностью его обуздать поднималась во мне вверх горечью.

"Сейчас вырвет", – мелькнуло в голове. Успела только завалиться на бок – вырвало.

Хотела подняться, но надвинулась чужая эмоция брезгливости и задавила на корню этот порыв.

Из носа капало уже на руки. Хорошо так капало. Обильно... А некто особо брезгливый все не отходил, лишь усили-

вая степень своего отвержения.

Ну не нравится тебе зрелище – отойди! Ни себе, ни людям,дохлый вурдалак!

Закашлившись, я начала подтягивать себя наверх. Там за-суетились, чьи-то пальцы вцепились в плечо и, потянув, по-могли мне сесть.

Вирейского слизня тебе в брюхо! Голова кружилась неимоверно.

О нет! Про слизней это я зря!

Тошнота вернулась под самое горло, и я глубоко задышала. Когда немного полегчало, снова осторожно открыла глаза. Один из патрульных сидел рядом на корточках, в его вытянутой руке были пачка салфеток и бутылка воды. Изобразив улыбку (как смогла, тут уже без претензий), взяла воду. Сделала пару глотков, умылась – звон в ушах отступил, кровь больше не заливалась в рот, полегчало.

– Медиум? – сопереживающе спросил патрульный. Голос у него был мягкий, немного печальный, как шелест листвы в остывающем осеннем ветре. Конец уже близок, он неизбежен, и оттого немного грустно, но вместе с этим есть повод еще более чутко относиться к себе и окружающим в эти оставшиеся считанные дни.

Неопределенно пожала плечами. Кто его разберет, как называется тот каламбур из способностей, которыми меня одарила природа.

– Позвольте осмотреть тело убитой, – прохрипела я.

"Голова гудииит, наверное, к дождю" – вспомнились слова из одной старой песни. В небе полыхнула молния и прокатился гром.

Катино, куда ты лезешь?! Ведь понятно уже, что девушка не наша. Этой лет двенадцать – тринадцать. Живет на континенте с матерью. Отца нет. Сообщи безопасникам и Ламотто, что это не искомая нами девочка и отправляйся домой! У тебя вид такой, что обнять и плакать.

Патрульный, видимо, считал также, хоть свои мысли вслух я не озвучивала. После моей просьбы, он посмотрел жалостливо и все же одобрительно кивнул.

Я подняла ткань и замерла. Юная. Такая теплая в общении. Любящая праздники и яркие наряды. Смешливая.

Сейчас она лежала переломанной грудой костей. Ее не били, как предположила я на основании первых ощущений. Здесь я ошиблась, неверно подобрала трактовку к образу. Девушку выкручивало изнутри. Что-то подобное происходит у оборотней во время оборота. Только это процесс быстрый, и практически мгновенная регенерация не оставляет ни памяти о боли, ни следов на теле. Здесь же девочку раз за разом погружали в агонию страданий, оставляя беспомощно кричать и умирать. И как только сердце у нее выдержало?! В сравнении с позвоночником оно оказалось более стойким. Что за урод сотворил с невинным ребенком такое?!

"Иди к папочке, девочка" ...

...!

Надо мной раскатистым басом загрохотало, и это помогло не расклеиться вновь.

Бегло завершив осмотр тела убитой, я дала показания под запись и отошла подальше от специалистов, продолжавших собирать улики и опрашивать свидетелей-рыбаков. К этому моменту уже появились журналисты – с ними пересекаться, даже взглядами, не хотелось вовсе. Эти акулы пера и пираньи слова всегда слетались на запах смерти. Как же – сенсация!..

Остановившись сбоку, около стены портовой набережной, я наблюдала, как Ламото, крупный золотоволосый тигр со всем удовольствием красуется перед камерами, растягивая широченную пасть в оскале на сорок зубов. Пошлость и бестактность. Он все говорил, говорил и говорил, поглаживая то руку, то ногу одной и другой журналистке. Те масляными глазами пожирали Суи, и это в прямом эфире, практически перед всеми жителями континента. Бррр! Гадость какая!

Я скучала, Ламото красовался, но в какой-то момент и его фонтан словесного недержания иссяк. Раздав девушкам визитки (и что этот мартовский кот в них только написал?!), тигр направился ко мне.

– Ноги в руки, Отребье, и погнали в стаю. Ты меня жутко задерживаешь.

Я?! Тебя?!

Оставила без устных комментариев речь очаровашки Суи и просто пошла рядом с ним.

Паром ждали недолго. Спустя сорок минут, устроившись

на нижней палубе, мы уже плыли в направлении острова.

Грозовые тучи все же разразились дождем над Киоташи. Я наблюдала издали кипение графитовых гигантов, острые рубленые молнии, то и дело прошивающие город неоновыми зарядами. Город вздрагивал под особо пронзительными раскатами грома, напряженно втягивал длинные шеи выток, но оставался на месте, безропотно ожидая, пока циклон выплеснет все свое возмущение и либо уберется подальше, либо, успокоившись, рассеется над водными просторами Желтого пролива.

Засмотревшись на стихию, под шум винтов и бой воды о борта судна я быстро уснула. Ощущала себя опустошенной. Как преодолеть, уменьшать или вовсе не допускать истощения сил при погружениях в чужие сознания, я пока не придумала. С практикой мой организм привыкал, конечно, к нагрузкам, но к таким, с подобным накалом эмоций, невозможно было привыкнуть. Я даже результаты не бралась предсказывать: итог выходил каждый раз свой.

Паром двигался все дальше и дальше от континента. Я все основательнее погружалась в сон, но тут чужое прикосновение внесло раздрай в мое расслабленное состояние. Массивная рука легла мне на плечо, приобнимая, а ноги сдвинули в сторону, прижав одну к другой.

Что происходит?!

Разлепив глаза, я сфокусировала взгляд на лице... Ламото. В его зрачках бензиновым пятном растекался азарт,

только спичку поднеси и полыхнет так, что живым не уйдешь: хищник уже вышел на охоту. Я попробовала пошевелить плечом, чтобы сбросить его руку, но тигр лишь сильнее впился в меня пальцами. Тогда, зашипев, я дернулась из под него, больше не церемонясь, не таясь, Ламото же схватил за горло и, приблизив свои губы к моим, выдохнул:

– Не суетись, котенок. Сладкий Суи все сделает для твоего удовольствия.

И он облизал мне шею, а я нервно сглотнула.

Чтоб тебя асторикские блохи зажрали! Они плотоядные, помимо того, что кровососущие. Да, им будет противно кусать и жрать такую гадость, как ты, но ради общего блага они постараются и потерпят.

– Для своего удовольствия... – выцедила я, задыхаясь от душливой волны его похоти, вожделения и ещё каких-то тягучих, липких фантазий. – Лапы убрал! – и я постаралась совершить обманный рывок, чтобы затем уйти вниз и в сторону, но оборотень заметил мой маневр и второй рукой, обхватив плечо, впился пальцами в ключицу. Он умело давил в мягкие ткани под костью – знает плешивый гад, где болевые точки. А мне было паршиво не столько от боли, сколько от его подлости и моей невозможности выдержать равнодушно чуждые прикосновения.

– Брось эти свои замашки... Мне можно, Кати-котенок, я же бета – сила и опора стаи, – его насмешливый взгляд мне в глаза, и он продолжил, – а для защитников общины нет

запретов. – Ууууу, гребаная политика двойных стандартов оборотней! – Особенно от таких, как ты, – это уже брошено им презрительно, но когти он в меня запустил с наслаждением.

– Кккааак я? – Убери свои жалкие лапы, когтистые пальцы, наглуую морду, высокомерный урод!

А когда его шершавый язык обвел мое открытое ухо (какого вовремя неубиенного вурдалака я собрала волосы в хвост?!), тошнота полезла в горло, давя полынной горечью, металлом и привкусом тухлого мяса.

Задышала часто, тяжело и, смотря прямо Ламото в глаза, выплюнула:

– Меня от тебя тошнит. Шаг в сторону, а то заблюю...

На последних словах тело качнуло, и Ламото проворно отступил назад, не скрывая брезгливости на лице. Постоял, гипнотизируя меня глазами, и снова прижался ко мне.

– Кати-котенок, не ломайся, – играючи ласково протянул тигр, перемещая руку на живот и сминая одним движением мою рубашку под грудью. – Ты сама подставляешься, как течная кошка!

Я?!

Когда?!

Когда валяюсь бездыханным телом на асфальте, глотая собственную кровь вместо воздуха?!

Или когда дрыхну кулем костей на деревянной лавке парама, пытаюсь восстановиться?!

Или, может быть, когда я в шаге от рвоты, задыхаясь, с белым, под стать волосам, лицом, пытаюсь сдержать порыв заблевать палубу парома?

Тигр ты с пробелами не только в образовании, но и в навыках построения причинно-следственных связей! Вурдалак исполосованный! Лучше б тебя в детстве за нуждающимися ухаживать привлекали, чем отпускали бегать на полную луну! Капканом тебе по причинному и безрассудному месту да лопатой по наглой морде! Обломаешься, импотент с манечкой величия!

И я отчаянно задергалась, стремясь вырваться любой ценой. А Суи лишь крепче впивался в меня, сминая, удушая, раздирая до алых пятен крови на рубашке. Сознание плыло, пальцы бессильно скребли тигра в попытке увеличить между нами дистанцию, отодрать его от себя хоть на миг, чтобы выдохнуть отравленный им воздух. Чтобы освободить себя. Чтобы не мириться вновь, как когда-то в школе...

Воспоминания тех дней стеганули яростью. Ни-за-что! Ни за что я не вернусь в тот крошечный сумрак, из которого выбиралась последние семь лет. Ни за что я не позволю себе вновь сдаться, смириться, согласиться терпеть.

Ни за что ко мне больше не прикаснется ни одно живое существо без моего согласия!

Ни за что меня больше не тронет, слизняк Суи!

И в одном рывке я вцепилась зубами ему в горло, доставая клыками яремную вену, и сжала руку на самом ответствен-

ном месте.. до хруста...

Под вой и скулеж оборотня провела еще серию болевых захватов, чтобы в итоге, склоняясь, прошипеть ему на ухо:

– Я тебе не Кати, а Катиро, скользкий червяк Суи! – да, я зла, а когда я зла, со мной не нужно связываться. Меня вообще лучше не трогать. Заранее. – Хоть шаг в мою сторону, и я тебе все хвостики без анестезии поотрываю... котик, – завершила "ласково" и, подхватив свой рюкзак, ушла.

Остаток плавания я провела на верхней палубе, краем глаза постоянно держа Ламото в поле видимости. Он остался этажем ниже и теперь скалился уже в лицо другой девушки. Тигра с горячкой в штанах только кастрация исправит...

От воспоминаний о его лапах на моем теле передергивало сильнее, чем тогда, когда я впервые увидела шиаторско-го кэео. Шиатория вообще славится разного вида паразитами, исключительно гадского характера. Как правило, кэео попадал личинкой внутрь животного или человека и за сутки сжирал все его внутренние органы. В колледже во время практики нас возили в лабораторию морга, куда было доставлено тело с подозрением на наличие паразита. Как только патологоанатом коснулся скальпелем кожи живота погибшего, та лопнула, словно была под большим натяжением (а на самом деле так и было, как это выяснилось позже), явив длинного мерзкого вида кольчатого червя, поднявшего голову и осмотревшего всю нашу группу шевеля двумя боковыми жалами. Я в тот момент предположила даже, что тварь

перед нами разумна, но преподаватель сказал, что это невозможно. Не знаю, возможно или нет, но в тот момент червяк точно соображал, что делает.

За подобными рассуждениями я провела остаток пути и вынырнула из своих раздумий, лишь услышав объявление капитана парома о прибытии на остров. О Великая Степь, благодарю тебя!

Глава 8

Домой я бежала, не разбирая дороги. Ламото выискивать в толпе прибывших не стала, юркнула в отправляющийся автобус. Потом сделала вынужденную пересадку и, оказавшись в нашем поселении уже после заката солнца, скоро шевеля ногами, таки добралась до родной квартиры.

...Душ – это первое куда я кинулась.

Отмывалась долго. Терла себя до красноты кожи мочалкой и даже щеткой, но ощущение липкой грязи в тех местах, где меня трогал Ламото, не проходило.

В голове ядовитыми осами вились скабрзные шуточки и слова тигра. Одно его "Кати-котенок, не ломайся... Ты сама подставляешься, как течная кошка" вызывало тошноту, и я так накрутила себя, что из душа понеслась обниматься с унитазом: рвало меня часа два.

Я никак не могла абстрагироваться и перестать вспоминать прикосновения, слова, эмоции, что шли от тигра. И только совсем обессилев, отключилась, отрезав себя от выворачивающих образов.

Очнулась глубокой ночью от холода. Сообразив, где нахожусь, переместилась в спальню под теплое одеяло и уже там вырубилась. Проспала, правда, недолго...

Мне снилось уже виденное мной бетонированное помещение со следами кровавых отпечатков на стенах. Переме-

щаяся по нему, я прикоснулась к каждому. Подносила ладонь, прикладывая ее, будто примеряясь к следу: оставила ли я эту отметку на камне?.. а эту?.. а эту?..

Проникающий сквозь вентиляционные щели свет багровыми всполохами раскрашивал пространство каменной тюрьмы. Она питалась болью и кровью. Ужас пленников ее веселил. Их стоны и слезы дарили усладу. Чем больше страданий, тем вкуснее жертва.

Я бросила взгляд на то место в стене, где в прошлый раз была дверь – дверь была на месте. Тихие шаги, скрежет металла – что произойдет дальше, я уже знала. Открылся дверной проем, яркий свет и темная фигура в нем.

Со светом в комнату хлынула ярость. Тяжёлая, жестокая, требовательная. Обрушилась на меня трехсоткилограммовой плитой, сминая ткани, органы, кости. Я закричала. Чуть ослабив напор, она дала мне вдохнуть и обрушилась вновь. Причиняя ещё больше боли, разрывая сухожилия, фасции, суставы. Дробя их без права на восстановление. Давя все мысли и чувства, оставляя только агонизирующее здесь и сейчас. Ещё одно послабление – мнимое помилование. Момент, когда жертва позволяет себе надеяться, ослабив защиты, подставившись для финального удара. И хищник его наносит – плита, нажравшись моих криков, обрушилась всей массой, сминая сам факт моего сопротивления, как и существования.

Открыв глаза, я вырвалась из сна...

Долго приходила в себя, кутаясь в одеяло.

Когда смогла стоять на ногах, доставила свое дрожащее тело в душ. Пыталась согреться под горячими струями, но разрастающаяся в груди стужа побеждала. Мерзла все сильнее. Дошла до кухни, поставила кипятиться воду. И тут на столешнице увидела картонный прямоугольник – визитка с номером для связи.

Достала телефон и ледяными пальцами вбила несколько цифр.

Гудок...

Я смотрю на часы – шесть утра.

Гудок...

Зря я, наверное, позвонила.

Гудок...

– Бельчонок?.. – сонный голос Эрама вырвал вздох облегчения, и первая слеза скатилась по моей щеке.

– Бельчонок... – уже не вопрос, а констатация факта. Признание, что это я, что мне можно, что он одобряет. – Поговори со мной...

Я была бы и рада вымолвить хоть слово, но из раскрытого рта выскользнул очередной вздох, всхлип, и слезы уже горячим потоком устремились вниз. Попробовала задержать дыхание, чтобы удержать прорывающуюся плотину... Поздно. Рыдания сотрясали мое тело. Я скулила, всхлипывала, обрушиваясь все новыми и новыми потоками слез.

Эрам молчал... Он просто был рядом, предоставив всего

себя мне.

Проснулась я от боли. Попробовала осторожно пошевелить головой – вышло с трудом. Дотянулась пальцами до шеи и начала аккуратно массировать, разминать сведенные мышцы, ослабляя затянутые узлы напряжений.

После первых успехов и заметного облегчения в теле заработал мозг. Я стала соображать, почему уснула за столом в столь неудобной позе, и вспомнила звонок Эраму, свою историю и полную капитуляцию организма по ее окончанию. В сон я провалилась, оставаясь на связи с оборотнем. Он так и не сказал ни слова, позволяя мне отпустить все накопившееся.

Гадать о том, что же мужчина после всего этого обо мне думает, я отказывалась. Как показала практика, Эрам весьма неплохо знает особенности моего поведения, иначе бы визитку не оставил. И раз так, значит, он был готов к моему звонку.

Тщательно размяв шею и плечи, я, наконец, поднялась. Облокотилась на стол, выпрямилась, откинулась на спинку стула.

На столе справа от меня лежал телефон. Глянула на него, как на опаснейшее оружие. Слово, что пуля, и рад бы защититься, да не успеешь, как ни старайся, догонит. И только

ко заблаговременно надетый бронезилет дарит возможность остаться в живых и, может быть, даже невредимым.

Я передернула плечами и со всей аккуратностью встала. Ноги, в целом, чувствовали себя хорошо, поэтому, повращав ими, сделав несколько глубоких приседов, ушла в ванную.

Из зеркала на меня смотрела сильно уставшая и заплаканная девушка. Пониженная фигура. Растрепанные, даже не белоснежные, а бесцветные волосы, потерявшие всякую живость и настроение. Лицо отечное. Бледное. На его фоне особо выделяются сильно покрасневшие глаза, с кое-где полупавшимися капиллярами.

– Вот тебе, дедушка, и снежный ангел, – процитировала я строчку из любимого мультфильма...

Ндааа, если в зеркале и отражался ангел, то точно не снежный – уплаканная в усмерть физиомордия навевала лишь траурные мысли.

Вздрогнула. Вот до траура совсем-совсем не хочется доводить. Вот нисколечко.

– Хорошая девочка, – похвалила я себя. К вурдалакам этот траур! Рано сдаваться, погоревали, поплакали, освобождение у святого друга получили (это я про санфаянсовый атрибут каждого уважающего себя клозета). Легче стало? Стало! Умница, девочка!

Похвалила себя и вяло подумала: "Мне семнадцать, я – подросток. По меркам некоторых стай оборотней – даже ребенок. А вопросы давно уже решаю отнюдь недетские".

На глаза снова набежали слезы...

Чтобы отвлечь себя и не утонуть в рыданиях вновь, продолжила рассматривать себя в зеркале. И это была плохая идея... Заметив коричневато-фиолетовые следы чужих пальцев на тонкой шее, ключице, плече, я вернулась мысленно к Ламото и задрожала. Сейчас из зеркала на меня смотрел маленький испуганный ребенок.

Плешивый Суи!

Ржавые карпканы тебе на все причинные места!

Разозлилась... Это хорошо. Умылась, оделась и вылетев из комнаты, быстро покинула квартиру. Надо было сбросить напряжение, поэтому побежала на полигон.

К сожалению, отмыться и забыться от грязных лап Ламото не вышло, даже после стольких часов я все еще ощущала его прикосновения. Сновидение добавило раздрая... и раздражения. В груди клокотало до тряса, поэтому, влетев в тренировочный зал, забинтовав руки, я набросилась на динамичную грушу, задав ей предварительно параметры высокого мускулистого мужского тела ростом в два метра тридцать сантиметров. Если бы можно было сформировать конкретное лицо, я без какого-либо смущения задала бы параметры морды Ламото. Чтобы как следует его рыжим фейсом да на мои кулаки.

Стуча грушу, я раз за разом вдальбливала в Ламото и разумных подобных ему беспредельщиков сказанные ранее слова: "Я тебе не Кати, а Катиро, скользкий червяк Суи!"

Удар – удар – удар.

"Я тебе не Кати, а Катиро, скользкий червяк Суи!"

Удар – удар – удар.

"Катиро! Катиро! Катиро! Мерзкий, крайне мерзкий червяк Суи!"

Удар – удар – удар – разворот и удар ногой.

Пропитайся этими мыслями, Ламото! Вбери их в свое гнилое нутро вместе с моими ударами!

"Не Кати! Катиро! Мерзавец Суи!"

Удар – удар – удар – удар.

"Катиро! Не Кати! Катиро!"

Удар – удар – разворот и удар ногой.

"Не Кати! Не Кати!"

Удар – !..

И вот здесь я замерла с занесенной в очередном ударе рукой.

"Не Кати, а Катиро" ... Мое полное имя – Катиро...

В базах данных я записана именно как Катиро. Не Кати... Катиро!

И тогда...

Тогда получается, что Торэши... Торэши тоже может быть неполным именем...

Ну конечно!

Торэши – это сокращенное имя! Именно поэтому поиск в базах данных по нему не выявил никаких совпадений.

Металлической стружки тебе в двигатель!

Мы искали совершенно напрасно. Более того, кого искать сейчас, тоже неясно. Ведь официальное имя этого человека может звучать, как угодно. От чего-то похожего на Торэши до полного отличия, ведь это может быть и прозвищем, детским сокращением или профессиональным позывным. Очередная куча вариантов...

И все же имеет смысл просмотреть сначала жителей острова. Пусть даже списки каждой общины вручную.

"Для тебя я – Катиро, а не Кати!"

О дохлый вурдалак!

Итак... Только мужчины. Возрастная группа – от восемнадцати и старше, к более младшему, вряд ли бы, так легко отпустил отец свою любимую дочь.

Что еще? Звериная сущность?..

Да любая!..

Плешивый дохлый, очень дохлый, самый дохлый вурдалак!

Можно начать с тигров... На острове их несколько общин. Отец девочки, как и сама она – тигры. Вдруг повезет и "дядя Торэши" тоже тигр. Великая Степь, помоги!

Влетела в кабинет безопасников, нагруженная кофе. С шоколадом и сливками. Да, коварная я знаю, как подольститься к суровым шкафообразным оборотням на службе.

Наблюдаю, запоминаю, применяю.

Те при виде меня скривились, как от зубной боли, но ничего, я не гордая, меня и не с такими лицами встречали. И это была первая мысль. А вторая – да я прогрессирую! Еще года полтора назад я стыдилась, что создаю неудобства, а сейчас... Хорошую работу вместе со мной проделал мастер Игуро. Еще больше практики, и я буду делать то, что хочу, там, где хочу, столько, сколько хочу, с теми, с кем хочу. И мне за это ничего не будет... кроме радости и удовольствия.

Воодушевившись, я храбро прошагала от стола к столу, расставляя стаканчики с ароматным напитком. Обратни хмурились, играли желваками, но исправно шевелили ноздрями. Да-да, там именно то, что вы учуяли.

И только, когда у большинства тигров на лицах заиграли довольные улыбки, я выдала:

– Мы не того ищем!

"Надо было дожидаться, когда они допьют кофе", – стучало в голове, пока я раздавала всем присутствующим влажные салфетки.

– Нет, не в том смысле, что искомое лицо не то... То! – поправила я. – Но имя, имя – не то! – И под яростными взглядами тигров, мысленно удушающих меня, а может, и закапывающих заживо, я выложила свои мысли.

После того, как выговорилась, выражения лиц тигров стали кислыми, с непроходимой и беспросветной тоской в глазах. "Как ты нас достала", – говорили они. "Как я вас пони-

маю", – отвечала им я, пожимая плечами. – "А что делать? Как-то выявлять искомое лицо все равно надо. Очень-очень надо. Не для себя же стараемся", – и, состроив жалобно-просительные глазки – не произвели желаемого эффекта, потом – угрюмо-решительные – оборотни зарычали, я начала формировать поисковые группы.

Взяли все одиннадцать общин тигров с острова. Мужчины. От восемнадцати лет и старше. Шестерых безопасников мне выделили в помощь, им достались дальние поселения, те, что были ближе к Желтому проливу. Я взяла все, что осталось. Искали любые совпадения с сокращением "Торэши".

Прошло пять часов. Пропуская злую ругань окружавших меня мужчин, я водила глазами по спискам на экране компьютера. Это было уже третье поселение, что я проверяла. И пока ничего. У безопасников, судя по разговорам, тоже было пусто.

Еще два часа поисков были столь же безрезультатны. Затем взошла луна, и меня вытолкали домой, клятвенно заверив, что отправят мне на телефон списки оставшихся двух поселений.

Телефон я еще утром оставила дома, списки на телефоне, поэтому идти домой, чтобы продолжить работу, было необходимо. Живот издал очередное урчание – привет, приятель, сегодня тебе, кроме кофе ничего не досталось. Прости, утром я исправлюсь, накормлю вкусным завтраком в любимой кофейне. От предвкушения обещанного живот заго-

ворил еще громче – успокоитель из меня пока неочень, все больше раздражитель.

Устроившись на кухне с крепким чаем (сахар закончился ещё два дня назад), я уже третий час листала фамилии и имена жителей общин. Сейчас вчитывалась в списки оборотней нашей стаи. Она была последней. Рядом со мной лежал лист бумаги, где я записывала все попадающиеся варианты фамилий и имен, хоть как-то связанных с "Торэши".

Лист был чист. Абсолютно.

А потому настроением я не блистала. Мрачная, голодная, сердитая, но упрямодвигающаяся дальше.

От длительного беглого просмотра информации болели глаза. Они снова были опухшими и красными, но уже не от слез – от усталости. Я – беловолосая и красноглазая, практически ближайший родственник тэкирских белых крыс. Размером они были с собаку, жили на отдаленных островах Тэкиры и представляли бы собой весьма опасных хищников и вредителей, если бы не были вегетарианцами. В рацион тэкирских белых крыс входили только стебли сладкого тростника и нектар цветов кюэши.

Кюэши – Токарэши...

Чего?..

Я вернулась глазами к тому месту, где только что читала.

Токарэши...

Токарэши Раадо. Член нашей общины.

Торэши – Токарэши...

Линялый вурдалак! Я нашла тебя!

Подпрыгнув от радости, перепроверила прочитанное и пустилась в пляс. Пусть он не входил в анналы танцевальной истории, но более энергичного и эмоционального действия театральные сцены и концертные площадки, я уверена, ранее не видели. И только выплеснув всю себя без остатка, опустилась на стул и еще раз вчиталась в имя – Токарэши Раадо. Выписала его на отдельный лист и добросовестно продолжила изучать списки мужчин нашей стаи: ну а вдруг совпадение не единственное. Упускать малейшую возможность нельзя. Никак нельзя, на кону жизнь!

Просидев до самого утра – да, очередная бессонная ночь, а ведь сегодня – рабочий день, я не выписала больше ни одного имени. Токарэши Раадо был единственным среди тигров одиннадцати поселений нашего острова, кто подошёл под параметры искомого. Конечно, мы не проверяли континентальные стаи. Конечно, "дядя Торэши" вообще мог не числиться в базах системы безопасности, и тогда возникают вопросы: кто он и как отец девочки отпустил к нему свою дочь. И это только верхушка айсберга из намечавшийся вопросов. Если я в нее сунушь сейчас, потеряю время и не проверю реально имеющийся уже вариант – Токарэши Раадо. Поэтому в сторону все лишнее, на данный момент я разрабатываю и проверяю линию Раадо.

С этими мыслями унеслась собираться и уже через тридцать минут с наспех вытертыми волосами входила в кабинет

службы безопасности. Надо ли говорить, что оборотни меня встретили как родную: только на родных мы рыкаем по поводу и без, зная, что они нас стерпят и такими. Сделала вид, что меня их дурное настроение никак не касается: сами нахмурились – сами и расслабятся, подошла к главному в смене и попросила вывести на общий экран сведения о Токарэши Раадо.

Самого Токарэши Раадо я не знала, и это было не удивительно: наше поселение было одним из крупнейших на острове. Года три назад к первоначальной территории стаи присоединились четыре соседних области. Они были небольшие, но в результате объединения численность жителей в общине выросла вдвое. К этому времени я уже редко ходила на собрания стаи, игнорировала "кружки по интересам" и не являлась персоной, которую желали бы видеть на общественных мероприятиях. Альфа, конечно, приглашал, напоминал, но не настаивал.

Поэтому сейчас я с любопытством изучала открываемую безопасниками информацию. Токарэши Раадо – тигр, пятьдесят один год. Женат на Этьеме Раадо, сорок три года. В нашей общине они стали числиться действительно после объединения территорий.

Интересно, они местные или приезжие? И если второе, то где и как жили ранее? К сожалению, в базе данная информация не содержалась. На Раадо в целом не было у безопасников ровным счетом ничего противозаконного, даже нало-

ги он платил исправно, как исправно же соблюдал правила дорожного движения. Ни штрафов, ни долгов.

С его женой была та же история.

Эта пара оборотней вообще представлялись чуть ли не образцовыми. Она работала в местной больнице медицинской сестрой и являлась активной участницей всех собраний женщин стаи. Он содержал небольшую лесопилку и снабжал нашу и соседские общины обработанной древесиной и пиломатериалами. В свободное время мастерил мебель и по выходным раз в месяц играл с мужчинами в бильярд.

Зацепиться было не за что, но цепляться было необходимо. Я это всем нутром чуяла. Вся моя сущность вздыбилась, насторожилась и тщательно прислушивалась к получаемой информации. Что-то явно должно быть, какая-нибудь деталь... деталюшечка... Хвостик ниточки, за которую я смогу потянуть и вытащить супер-приз.

Обертка четы Раадо была вылеплена идеальной, но действительно ли такими "чистенькими" они являлись на самом деле?.. Следовало прощаться с отделом безопасности и идти в люди. Кто у нас знает все, что происходит внутри дома, за закрытыми стенами?

Домашний персонал и соседи.

И начать можно было как раз со вторых: они и про отношения в семье расскажут, и пароли-явки домашнего персонала выдадут.

Записав адрес Раадо, я стала изучать фамилии их соседей.

По улице Взлетов ближайший дом принадлежал Котуэро... С их дочерью я училась в одном классе, беда была попасть ей на зубок, на редкость зловредная девица. Еще у них был сын, старше меня лет на пять-семь. Их мать преподавала химию и биологию, отец содержал сеть бензоколонок. Зарвавшиеся снобы, помешанные на своей чистокровной природе и жестокие к несовершенствам других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.